

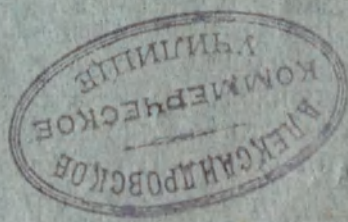

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ШЕСТОЙ

ІЮНЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

Правда нашей войны.

Все въ мірѣ совершается съ абсолютной необходимостью, и человекъ не можетъ поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ. Но всякій поступокъ для него самого есть *его* поступокъ, и, совершая его, онъ чувствуетъ, что *онъ* его совершаетъ и что могъ бы поступить иначе. Отсюда два основнымъ образомъ различныя отношенія къ историческимъ событіямъ: взятая снаружи—они необходимы; взятая изнутри—свободны. Все взятое снаружи подлежитъ объясненію, все взятое изнутри—опѣнкѣ. Пройдетъ время, и та война, которая сейчасъ наполняетъ всю нашу жизнь, станетъ предметомъ разсмотрѣнія снаружи. Передъ наукой—исторіей станетъ вопросъ о причинахъ войны и о вліяніи ея на другія событія. И всѣ попытки сейчасъ заговорить объ этихъ вопросахъ: установить причины, указать виновниковъ, предугадать послѣдствія и учесть выгоды и потери, кажутся намъ такими несвоевременными, мелочными и наивными и обнаруживаютъ лишь недостаточно сильное переживание событія изнутри.

Изнутри всякое событіе, въ которомъ мы являемся дѣйствующимъ лицомъ, есть свободный актъ нашей воли и въ качествѣ такового требуетъ не объясненія, но обоснованія и оправданія. И если мы чувствуемъ войну какъ *свое дѣло*, то не понять намъ нужно ея историческія причины, но надо чувствовать и понимать *правду нашей войны*.

Пусть историки говорятъ впослѣдствіи, что войны не могло не быть и что—живи они раньше—они могли бы напередъ вычислить день ея возникновенія съ тою же точностью, какъ астрономы вычислили день затменія солнечнаго въ августѣ прошлаго года; мы-то знаемъ, что ея могло не быть. Мы-то знаемъ, что ведемъ ее мы и что можемъ ее прекратить мы же. Пусть же историки объясняютъ!—Мы ставимъ себѣ вопросъ, принимаемъ ли мы войну, или не принимаемъ: принимаемъ ли ее лично для себя, въ своемъ личномъ свободномъ, особомъ для каждаго рѣшеніи? А если принимаемъ, то и дѣлаемъ ее. А если дѣлаемъ, то на всякомъ изъ насъ лежитъ такая же нравственная отвѣтственность

за нее, какъ будто отъ него одного зависить остановить сражающіяся арміи или двинуть ихъ въ тотъ мучительно долгій бой, который охватилъ въ наши дни еще невиданныя въ исторіи войнъ пространства. (Исторію дѣлаютъ всѣ вмѣстѣ, но отвѣчаетъ за нее передъ совѣстью своей во всей полнотѣ всякій, и кто изъ насъ не чувствуетъ, что вся кровь и утомленіе однихъ, все горе и тревога другихъ всею тяжестью и всею полнотой лежатъ на каждомъ изъ насъ, кто позволяетъ себѣ страхнуть бремя этой отвѣтственности, тотъ недостойнъ жить въ наши дни и быть сыномъ воюющаго народа.

I.

Русское общество въ наши тяжелые дни оказалось на высотѣ событій. Оно приняло войну по существу съ такимъ же единодушіемъ, какъ приняло ее общество нѣмецкое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не отстранило и не отвергло вопроса о нравственной приемлемости войны. Можетъ быть, въ томъ нивелирующемъ единомыслии нѣмецкаго общества, которое подчеркиваютъ люди, вернувшіеся изъ Германіи уже во время войны, много практической силы и даже эстетической привлекательности, но намъ дорого то тревожное искательство нашего духа, неуспокоенность русской души, которая и передъ лицомъ властныхъ событій не способна отказаться отъ нравственной требовательности къ своимъ поступкамъ. Прошли первые дни войны, когда сознаше было не столько охвачено жаждой единомыслия, сколько жаждой единой воли. Хотѣлось слиться въ единый народъ, стать пылинкой единой волны, искрой одинаго пламени или хотя бы лишенной особой воли единицею въ уличной толпѣ. И захотѣлось, вернувшись домой, разобраться въ томъ, что было пережито; а пережито было нѣчто такое новое для русской интеллигенціи, такое неожиданное и для нея самой, и для постороннихъ наблюдателей, и для тѣхъ, кто, быть можетъ, построилъ на своихъ дешевыхъ о ней свѣдѣніяхъ большіе и дорого стоящіе міру расчеты.

Итакъ, для сознанія, вернушагося съ уличныхъ демонстрацій, изъ міра неясныхъ и новыхъ чувствъ въ міръ знакомыхъ понятій, возникъ основной вопросъ: либо отвергнуть свой порывъ, признать его отзвуками отживающей психической организаціи, либо закрѣпить это душевное настроеніе въ твердыхъ понятіяхъ и сохранить за собой, какъ первое завоеваніе нашего духа въ начавшейся великой борьбѣ. — Война была принята и оправдана передъ судомъ неосвященныхъ сознаніемъ глубинъ личности, оставалось оправдать это рѣшеніе разумомъ предъ лицомъ своего мировоззрѣнія и своей совѣсти. А здѣсь для интеллигентскаго русскаго сознанія была не малая трудность.

Во всемъ арсеналѣ готовыхъ идей и понятій нехватало именно тѣхъ, которыя могли бы послужить такому осознанію. Всѣ истоптанныя тропинки уводили отъ того рѣшенія, отъ котораго нельзя было отказаться, не вступая въ жестокое противорѣчіе съ самимъ собой. Вотъ почему сознание своего поведенія въ нашемъ обществѣ и его идейное выраженіе въ нашей печати стоитъ несравненно ниже, чѣмъ самое поведеніе.

Нѣтъ, конечно, возможности классифицировать всѣ высказанныя въ періодической печати и въ рѣчахъ ораторовъ и лекторовъ сужденія. Но можно указать нѣсколько типичныхъ направленій и путей, по какимъ пошли эти объясненія. И всѣ эти направленія являлись линиями наименьшаго сопротивленія для сознанія нашей интеллигенціи. Первое основное направленіе съ первыхъ же дней завоевало себѣ особое мѣсто въ газетахъ подъ общимъ названіемъ „нѣмецкихъ звѣрствъ“. Нѣмцы оказались варварами и злодѣями, они вандалы XX вѣка, а Вильгельмъ—Аттила, вождь вандаловъ (историческія свѣдѣнія у газетъ не особенно тверды); борьба съ ними есть борьба за гуманность, и этотъ трафаретъ былъ принятъ далеко не одними „шовинистами“, не „зоологическими націоналистами“, но и „передовыми“ органами печати. Мы вовсе не хотимъ отвергать фактовъ, что нѣмцы проявили во дни объявленія войны много педантичной жестокости и холодной грубости, которая естественно могла возмутить и взволновать общественное сознаніе. И насъ удивляетъ даже не слаонервность этого сознанія, способнаго подъ грохотъ вспыхнувшей міровой войны возмущаться тѣмъ, что нѣмецкій жандармъ глупо и грубо издѣвался надъ русскими пассажирами и что пассажиры эти потеряли свой ручной багажъ. Но насъ глубоко поражаетъ то преувеличенное значеніе, которое было придано этимъ противнымъ фактамъ, поражаетъ попытка сблизить эти факты съ самой сутью переживаемыхъ событій. И намъ кажется, что это сближеніе могло проникнуть лишь въ сознаніе, тщетно ищущее, на что опереться и съ глубокимъ удовлетвореніемъ нашедшее среди задѣтыхъ войною чувствованій знакомое и давно излюбленное чувство гуманности, идеаль личной неприкосновенности.

Мысль о крестовомъ походѣ противъ нѣмцевъ, потому что они варвары, была, конечно, слишкомъ наивна. Жестокость, проявленная послѣ начала войны, не могла очевидно оправдать этого начала.

Отсюда развивается второй типичный ходъ мыслей. Война вызвана тѣми психологическими особенностями, которыя развились въ нѣмцахъ за послѣднія полстолѣтія ихъ исторіи. За эти годы въ Германіи развился духъ милитаризма, націонализма, преклопенія предъ абсолютизмомъ государства и т. п. Коротко говоря, нѣмцы были признаны носителями всего того, что искони привыкла бранить русская интеллиген-

ція. Между понятіемъ нѣмца и понятіемъ „черносотенца“ былъ поставленъ знакъ равенства. Нѣсколько времени назадъ мнѣ попался номеръ журнала *Пулеметъ*, издаваемого небезызвѣстнымъ г. Шебуевымъ. Журналъ былъ въ той же безвкусной красно-сѣрой обложкѣ, въ которой выходили его напумѣвшие въ 1905—6 гг. номера, испещренъ тѣми же красно-сѣрыми рисунками, изображающими пожары и разстрѣлы. Сходство литературнаго матеріала было не менѣе разительно: то же нагроможденіе кровавыхъ ужасовъ, безъ искры подлиннаго переживания, тѣ же свирѣпыя манекены въ роли нѣмцевъ, грабящіе, насилующіе, говорящіе какой-то смѣсью звѣринаго рычанія съ языкомъ манаковъ. Только имя жандарма или городского было замѣнено именемъ прусскаго солдата.

При помощи такого отождествленія не трудно было освятить свою борьбу съ нѣмцами какимъ-нибудь изъ привычныхъ для интеллигентскаго сознанія лозунгомъ, и въ списокъ реакціонныхъ началъ, носителями коихъ были признаны нѣмцы, всякій могъ найти свой излюбленный жупель или металлъ: одни могли сокрушать мплитаризмъ, другіе — въ корнѣ подрывать национализмъ.

Въ кругу этихъ идей зародились лозунги о побѣдѣ „нѣмца въ нѣмцахъ“ или о „побѣдѣ надъ внутреннимъ нѣмцемъ въ себѣ“. А дальше этихъ лозунговъ не пошло пока наше стремленіе разобраться во внутреннемъ, идеальномъ смыслѣ событій.

Нѣсколько болѣе глубокой кажется по первому впечатлѣнію попытка теоретической критики самыхъ основъ нѣмецкой культуры. Я разумѣю попытку, сдѣланную въ московскихъ философскихъ кружкахъ, при чемъ наиболѣе ярко выразилъ мысль г. Эрнъ, бросившій афоризмъ о неизбѣжности пути отъ Капта къ Круппу. Такимъ путемъ начало зла признавалось принадлежностью не психологическаго склада современнаго нѣмца, но историческаго духа германскаго народа. Свободная критика основъ нѣмецкаго духа могла опираться на глубокия идеи нашихъ мыслителей (славянофилы, Соловьевъ), но нельзя не признать неудачной попытки примѣнить эту наиболѣе тонкую и спорную изъ славянофильскихъ идей къ событіямъ дня. Стремленіе славянофильскихъ мыслителей показать объективное преимущество основъ славянской культуры столь утонченно и столь связано съ робкими и недоговоренными уowanіями на рожденіе новыхъ идей, не поддающихся еще выраженію, что бросить эту мысль въ качествѣ боевого лозунга, въ качествѣ оправданія нашей войны для общаго сознанія, кажется мнѣ глубокимъ искаженіемъ самого ея духа. Брошенная въ публику, она могла явиться лишь призывомъ къ отрицанію цѣнности нѣмецкой культуры, причемъ основы критики не могли дойти и подѣйствовать ни на чье сознаніе.

При нѣкоторомъ видимомъ разнообразіи всѣ перечисленныя напра-

вления имѣютъ общую черту въ томъ, что отождествляютъ понятіе исторической справедливости со справедливостью чисто моральной и понижаютъ задачу моральнаго оправданія войны, какъ задачу доказать моральную вину или грѣхъ нашихъ противниковъ, обнаружить и облегчить нѣкоторое *нѣмецкое зло*.

Такая постановка вопроса не удовлетворяетъ меня съ трехъ, по крайней мѣрѣ, точекъ зрѣнія.

Во-первыхъ, такое морализированіе событій кажется мнѣ *недопустимымъ* именно *съ моральной точки зрѣнія*, которая воспрещаетъ произнесене суда лицомъ, явно заинтересованнымъ въ приговорѣ. На какую бы философскую высоту мы ни удалились, нельзя не признать, что открытіе нравственнаго и культурнаго убожества Германіи *послѣ* объявленія ею Россіи войны сдѣлано для нашего душевнаго равновѣсія чрезвычайно кстати; и въ той готовности, съ какой принимаются на вѣру и показанія сомнительныхъ очевидцевъ и крайне спорные доводы философовъ, есть изрядная доля логическаго попустительства, воспрещаемого намъ закономъ достаточнаго основанія.

Во-вторыхъ, сколько бы ни содержала объективной истины эта обличительная литература, она во всей своей совокупности кажется мнѣ *совершенно ненужной* для правильнаго пониманія смысла событій и для установки нашего къ нимъ отношенія. Я, конечно, вовсе не отрицаю права негодовать и возмущаться жестокостью пріемовъ войны, усвоенныхъ повидимому нашими противниками. Я не отрицаю тѣмъ болѣе права питать антипатію къ государственному строю Пруссіи и не соглашаться съ основами кантовской гносеологии, но значеніе и мѣсто этого негодованія и этой критики можно точно уяснить себѣ слѣдующимъ образомъ: предположимъ (и я надѣюсь не быть обвиненнымъ въ германофильствѣ, такъ какъ это только предположеніе), что всѣ свѣдѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ германцами, оказались бы ложными; предположимъ далѣе, что они оказались не только гуманными и великодушными врагами, но и чемпионами истинной культурности, что они не разрушали Льежа и Лувена и не только не тронули бельгійскаго університета съ его старинной бібліотекой, но и построили тамъ три новыхъ, при чемъ „геній нѣмецкой націи“, согласно обѣщанію одного нѣмецкаго генерала (а можетъ быть, и профессора), наполнилъ ихъ бібліотеки произведеніями несравненной цѣнности; предположимъ, наконецъ, что они согласились замѣнить въ своихъ університетскихъ лекціяхъ „Критику чистаго разума“ очеркомъ Владиміра Эрна по теоріи познанія Владиміра Соловьева. Неужели тогда наша борьба должна была бы потерять всякій смыслъ? Неужели должна была бы ослабнуть энергія нашей борьбы? Психологически это даже могло бы быть такъ. Видѣ разрушенныхъ городовъ, убитыхъ и замученныхъ женщииъ можетъ поднимать мужество

и холодную ярость сражающихся; но для всякаго ясно, что независимо от этого, разъ вынужденные принять войну съ Германіей, мы должны были вложить въ эту войну максимумъ напряженной энергіи даже въ томъ случаѣ, если бы не было ничего вызывающаго въ насъ эту ярость.

Въ-третьихъ, наконецъ, это направленіе вниманія въ сторону побочныхъ для основного смысла событій явленій отвлекаетъ его отъ той основной проблемы, которую поставила нашему сознанию вспыхнувшая война. И какое-то внутреннее чувство властно навязываетъ мнѣ желаніе даже предвзятого, даже идущаго вопреки очевидности (если бы такая была), можетъ быть, слѣпого *уваженія къ нашему врагу*. Чѣмъ меньше привходящихъ психологическихъ импульсовъ для борьбы, тѣмъ величественнѣе и грознѣе, тѣмъ трагичнѣе и неизбѣжнѣе представляется мнѣ эта борьба; тѣмъ яснѣе смыслъ ея, тѣмъ полнѣе ея правда.¹⁾

„Бываютъ минуты, писалъ однажды Катковъ, когда шумъ повседневной жизни смолкаетъ и мы слышимъ мѣрный шагъ исторіи“. Пусть умолкнетъ для насъ докучливая шумиха трескучихъ фразъ, и въ наступившей тишинѣ пробужденное русское самосознаніе услышитъ мѣрный шагъ исторіи.

II.

Я началъ эту статью съ признанія необходимости намъ оправдать свою войну передъ своею совѣстью. Но это требованіе моральнаго оправданія не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что я назвалъ дальше морализованіемъ историческихъ событій. Морализованіемъ я называю въ данномъ случаѣ требованіе, чтобы историческія событія, историческія стремленія народовъ вытекали изъ моральныхъ побужденій. Требовать этого—значитъ требовать, чтобы исторія знала однѣ только формальныя цѣнности. Между тѣмъ исторія есть процессъ творчества цѣнностей конкретныхъ и лишь любовью къ нимъ она двигается. Исходя изъ моральныхъ побужденій, можно защищать „свободу совѣсти“, но историческое движеніе въ области религіи можетъ быть вызвано лишь любовью и преданностью какой-либо опредѣленной религіозной идеѣ. По моральнымъ побужденіямъ можно защищать права и независимость народовъ вообще, но исторію двигаетъ лишь живая преданность какой-нибудь опредѣленной народности. Политическая жизнь подчинена, конечно, нравственному суду, но въ политикѣ мы не обязаны руководствоваться всегда одной идеей справедливости, преслѣдовать одну лишь чистую справедливость, но имѣемъ право служить извѣстнымъ конкретнымъ

¹⁾ Мнѣ хочется пояснить эту мысль перифразировкой одного замѣчательнаго афоризма Ницше: „Одна добродѣтель есть болѣе добродѣтель, чѣмъ двѣ“. Такъ и одна правда есть болѣе правда, чѣмъ двѣ.

историческимъ цѣнностямъ. И оправданіе историческаго процесса, на-
примѣръ, войны состоитъ, по моему мнѣнію, изъ двухъ моментовъ: изъ
сознанія той исторической цѣнности, во имя которой эта война ведется,
и оправданія самой этой цѣнности, т.-е. изъ раскрытія ея и обоснова-
нія своего права ей служить.

Изъ этого видно, что явилось камнемъ преткновенія для русскаго
интеллигентскаго сознанія въ задачѣ осмыслить просто и ясно нашу
войну, понять, почему она оправдана во внутреннемъ чувствѣ. У насъ
систематически отвергали именно существованіе для насъ какихъ бы то
ни было конкретныхъ историческихъ цѣнностей, стремились всегда и
во всемъ исходить изъ отвлеченныхъ понятій: свобода, справедливость.

Итакъ, прежде чѣмъ подойти къ вопросу объ оправданіи войны (дан-
ной войны, а не войны вообще), надо указать ту цѣнность, во имя ко-
торой она ведется. Нѣкоторыя газеты, желая подчеркнуть особенно
значение настоящей войны, усвоили для нея название *отечественной*.
Этимъ признается, что защищаемой цѣнностью является самое существо-
ваніе Россіи. Нельзя не видѣть въ такомъ утвержденіи грубаго пре-
увеличенія. Столкновеніе ни съ однимъ изъ государствъ, по счастью, уже
не можетъ грозить Россіи гибелью, и объ отечественной войнѣ могутъ
говорить безъ преувеличеній развѣ Сербія и Бельгія. Если бы рѣчь
шла о нашемъ историческомъ бытіи, а не о той исторической роли, ко-
торую стремится Россія играть, то, можетъ быть, и внуки наши еще не
дожили бы до столкновенія съ Германіей. Поэтому, если нужно слово
для опредѣленія основнаго смысла нашей войны, то такимъ словомъ
должно быть не *отечественная* война, но война *національная* или *исто-
рически-національная*.

Чтобы опредѣлить смыслъ, какой я вкладываю въ эти слова, надо
обратить вниманіе на то, чѣмъ отличается народъ или нація ото всѣхъ
другихъ формъ человѣческаго единенія. Въ народѣ объединяются въ
нѣкое единство не только люди, но цѣлыя поколѣнія людей. Народъ
имѣетъ не только объемъ, но и историческую глубину. Это есть един-
ство, уходящее въ прошлое и смотрящее въ будущее. Народъ не есть
понятіе социальное, но историческое. Онъ образуется лишь тамъ, гдѣ
возникаетъ нѣкоторое духовное развитіе, культурно-историческій про-
цессъ, гдѣ поколѣніе отошедшее продолжаетъ жить въ созданіяхъ своего
творчества среди смѣнившихся его поколѣній и гдѣ живые творятъ и
трудятся надъ тѣмъ, что пожутъ имъ невѣдомыя потомки. То разви-
вающееся духовное достояніе, обладаніе которымъ и служеніе которому
дѣлаетъ рядъ смѣняющихся поколѣній единымъ народомъ, называемъ
мы его народностью. Народность даннаго народа есть совокупность цѣн-
ностей, созданныхъ его историческимъ развитіемъ.

Національная война поэтому есть война, ведущаяся извѣстной сово-

кушностью людей, именно, въ силу того, что они чувствуютъ себя однимъ изъ моментовъ историческаго развитія, наслѣдниками и временными держателями историческихъ цѣнностей, участниками нѣкоего историческаго единства, или, что то же самое, промежуточнымъ поколѣніемъ историческаго народа.

Признать войну національной—значить признать ее нравственно обязательной для себя, но нравственно обязательной не въ смыслѣ отвлеченно моральномъ, не для „сознанія вообще“, но для личнаго своего сознанія. Признать настоящую войну войной національной—значить признать ее неизбѣжной и обязательной для себя именно постольку, поскольку мы сознаемъ себя русскими, участниками того историческаго процесса, которому названіе: русскій народъ, обладателями той цѣнности, которой имя: русская народность. Откиньте это сознаніе, почувствуйте себя поколѣніемъ, не помнящимъ родства, и война сдѣлается для васъ внутренне безразличной. Она навязывается намъ какъ неизбѣжная болѣзнь въ ростѣ нашей народности.

Это станетъ яснымъ, если мы вспомнимъ тотъ неоспоримый историческій фактъ, что за двѣсти лѣтъ нашего съ нѣмцами сосѣдства мы не имѣли съ ними военныхъ столкновеній, ибо участие наше въ Семилѣтней войнѣ есть дипломатическая случайность, нейтрализуемая притомъ союзомъ съ нѣмецкой же Австріей. Это не трудно объяснить тѣмъ, что у насъ не было спорныхъ областей, жизненныхъ для обоихъ народовъ. Спорные промежъ насъ и нѣмцевъ вопросы выдвинулъ лишь девятнадцатый вѣкъ, и намъ не трудно убѣдиться, что задѣтыя въ нашемъ соперничествѣ цѣнности возвышались надъ областью чисто матеріальнаго интереса. Трудно разсмотрѣть всю совокупность вопросовъ, задѣтыхъ войною въ настоящій моментъ ея развитія, ибо всякая война ведется ради цѣлей несравненно болѣе широкихъ, чѣмъ тѣ, во имя которыхъ она была объявлена. Историки привыкли различать причины войны отъ ихъ поводовъ, но поводъ войны вовсе не всегда есть лицемѣрный ея предлогъ. Исторія таила и дѣйствительность таитъ назрѣвшую возможность многихъ войнъ, которая не была и никогда не будетъ, можетъ быть, осуществлена именно потому, что въ совокупности дѣйствующихъ причинъ не присоединяется та незначительная иногда послѣдняя причина, которой суждено разрядить накопившееся электричество въ громъ и молнію военной грозы. И эта послѣдняя маленькая причина, какъ микрокосмъ, отражаетъ въ себѣ всю полноту исторической необходимости.

Именно такое значеніе для пониманія историческаго смысла начатой нами войны имѣетъ та послѣдняя маленькая причина, которой суждено было обратить въ міровой пожаръ напряженное соперничество великихъ державъ на Ближнемъ Востокѣ. Наступилъ моментъ, когда и для Россіи

и для Германіи оказалось легче принять войну, чѣмъ отказаться отъ выставленныхъ требованій. Вопросомъ о государственной независимости Сербіи или объ австрійскомъ на нее вліяніи оказались задѣты какія-то цѣнности, поступиться которыми ни мы, ни они уже не могли. Что же это были за цѣнности?

Вполнѣ естественно, что наша дипломатія указывала, какъ на основное побужденіе, на защиту принципа международной справедливости. Она опубликовала рядъ документовъ, которые должны доказать юридическую неправомѣрность австрійскихъ требованій, и мы охотно вѣримъ въ правоту нашу съ формально-юридической точки зрѣнія. Однако все эти соображенія могутъ оправдать объявленіе войны, а не самую войну, поведение правителей, а не дѣяніе народовъ. Вѣсы, на которыхъ взвѣшиваются дипломатическія предложенія и контръ-предложенія, едва ли пригодны для взвѣшиванія историческихъ событій. Международное право, конечно, есть одно изъ необходимыхъ организующихъ началъ, но въ немъ не можетъ быть принципа для суда надъ исторіей. Международное право, собственно говоря, есть лишь право междугосударственное и построено оно на нѣкоторой фикціи. Историческая реальность есть народы, ибо они живутъ и развиваются во времени. Государство же, какъ правовое начало, есть нѣчто, по существу своему пребывающее, нѣчто, въ принципѣ своемъ неподвижное, форма, чрезъ которую протекаетъ живое многообразіе народной жизни. Реальныя государства разрушаются и создаются въ этомъ процессѣ народной жизни, но междугосударственное право не хочетъ знать ничего объ этой исторической дѣйствительности и рассматриваетъ государства, какъ единственныя соединенія, имѣющія права, какъ единственныхъ носителей права. Оно фиксируетъ такимъ образомъ исторически преходящее, какъ справедливое и вѣчное. Но въ историческомъ своемъ развитіи народы вырастаютъ изъ охраняемыхъ междугосударственнымъ правомъ государственныхъ формъ, начинается война, хаосъ и безправіе съ юридической точки зрѣнія—огненное крещеніе и высшій историческій судъ для народовъ. Война вывела наружу новое измѣненіе народныхъ силъ, которое таилось подъ неподвижностью мирныхъ формъ. Междугосударственное право вновь вступаетъ въ свои права, дипломаты возвращаются въ свои опустѣлыя посольства и консульства, и новое взаимоотношеніе опять фиксируется, какъ охраняемое международнымъ правомъ.

Мы готовы вѣрить, что наши дипломаты искренно стремились сохранить положеніе дѣлъ, установленное предыдущими соглашениями, но я не поколебался бы въ своемъ внутреннемъ отношеніи и въ томъ случаѣ, если бы выяснилось, что они стремились его нарушить. Мы готовы вѣрить, что сербское правительство не злоумышляло противъ австрійской монархіи, не поддерживало пансербской агитаціи и не стре-

милось къ отторженію Босніи и Герцоговины. Но если бы даже все это оказалось неправдой и если-бъ въ дѣйствительности оказалась правдивой австрійская дипломатическая версія, то, осуждая даже отдѣльныхъ сербскихъ дѣятелей, я не колеблясь отдалъ бы свои симпатіи стремленіямъ сербскаго народа, а не правамъ австрійскаго государства. И я думаю, что то же самое, положи руку на сердце, долженъ сказать всякій изъ насъ. Вполнѣ понятно, что опасности и убыточность войны заставляли насъ до послѣдней возможности мириться съ ущербомъ сербскаго народа, но ясно и то, что не на защиту принциповъ международнаго права и не во имя дорогихъ нашему сердцу статей какихъ-нибудь берлинскихъ, бухарестскихъ или иныхъ трактатовъ подняли мы свое оружіе, а за нѣкоторую конкретную историческую цѣнность, какой представляется намъ сербскій народъ. Намъ понятна практическая необходимость дипломатическаго языка, но ясна и его условность. Наня связь съ Сербіей строилась не на конференціяхъ и не путемъ договоровъ, и она не была междугосударственной связью. Она закрѣплена была въ сферѣ недоступной и неуловимой для международнаго права, и два раздѣльныхъ народа, мы хранили сознание причастности къ чему-то общему и, защищая это общее въ сербахъ, мы защищаемъ нѣчто свое, защищаемъ настоящее и будущее своей народности.

Русскій націонализмъ (сознательное служеніе своей народности) не случайно былъ всегда славянофильскимъ, и не случайно національныя движенія среди славянскихъ народовъ были и будутъ всегда руссофильскими. Славянство безъ Россіи безсильно, безъ нея оно есть племя, а не народъ, явленіе этнографическое, а не историческое. Русскій же націонализмъ безъ славянофильства—пустъ. Лишь поднявшись до націонализма, русскій народъ могъ выйти за свои предѣлы и почувствовать жизнь и интересы другихъ славянскихъ народовъ, какъ свои собственные.

Для многихъ прозвучить странно это утвержденіе, которое можно формулировать такъ: *политическій альтруизмъ нашей славянской политики идейно вытекаетъ лишь изъ нашего націонализма*. И для того, чтобы принять его, нужно научиться отличать націонализмъ отъ народнаго эгоизма, ¹⁾ или отъ стремленія народа къ своему благу, и для этого прежде всего нужно отличать народъ отъ народности. Народъ есть совокупность людей; народность—ихъ общее духовное достояніе. Народъ есть творящее; народность—творимое. Народный эгоизмъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ есть всегда отношеніе народа *къ себѣ*, націонализмъ есть

¹⁾ Эти понятія отождествилъ когда-то Вл. Соловьевъ, и это отождествленіе безъ критики восприняло отъ него большинство нашихъ публицистовъ, напр., кн. Е. Трубецкой, св. Аггеевъ, Мережковский и многие другіе.

отношеше народа къ *своему*, къ своей народности. Национализмъ возникаетъ лишь тогда, когда сознание возвышается до этого различія, когда народность осознается, какъ нѣкоторая цѣнность, которой приходится жертвовать эгоистическимъ понятіемъ о благѣ. И лишь тогда, когда русскіе стали цѣнить въ себѣ не благо собственной жизни, но то духовное содержаніе, которое вложила въ эту жизнь русская народность, только тогда русскій народъ смогъ выйти за свои предѣлы. Племенной принципъ: „стой за *своихъ*“, смѣнился принципомъ национальнымъ: „стой за *свое*“. И только эта идея могла раздвинуть границы русскаго народнаго процесса, сдѣлать его основой и частью того громаднаго историческаго процесса, какимъ въ мечтахъ славянофиловъ представлялся славянскій міръ.

Впрочемъ, нѣтъ необходимости принимать или отвергать славянофильскія чаянія о роли, какую будетъ играть славянскій міръ въ исторіи человѣчества, и для насъ важно было опредѣлить только сѣть нашей связи со славянствомъ, установить, что связь эта возможна лишь черезъ идею народности.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ основному положенію нашей статьи. *Та основная цѣнность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая въ своемъ ростѣ вышла за предѣлы племеннаго своего бытія и стремится къ мировой роли.* Только въ процессѣ этого расширенія, стремясь очертить за границами своего государства сферу своего вліянія, русская народность столкнулась съ германскимъ міромъ.

Со всѣмъ, кромѣ нашей славянской политики, мирилась нѣмецкая государственность. Со всякимъ духовнымъ движеніемъ въ Россіи, кромѣ славянофильства, мирилась нѣмецкая мысль, но зато передъ этой идеей самые свободомыслящіе изъ нѣмцевъ останавливались въ злобномъ недоумѣніи. Либеральнѣйшій изъ нѣмецкихъ историковъ І. Шерръ восклицаетъ: „Панславизмъ есть химера: спереди медвѣдь, сзади свинья, посрединѣ змѣя!“

Национальное объединеніе Германіи закончилось, собственно говоря, лишь со времени заключенія тройственнаго союза. Лишь съ прекращеніемъ соперничества между Австріей и Пруссіей германскій міръ обратился въ одно цѣлое, и не случайно то, что съ этого приблизительно времени, т.-е. со временъ войны 1878 года, мы находимся съ этимъ германскимъ міромъ, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, въ непрерывномъ „состояніи войны“. Черезъ Габсбургскую монархію цѣлый рядъ славянскихъ народовъ оказался втянутымъ въ объединенный германскій міръ и обращенъ въ орудіе германскаго политическаго могущества.

Является ли для Германіи борьба со славянствомъ исторической необходимостью или она могла свободно существовать, не втягиваясь

въ эту борьбу, не руководится ли нѣмецкая политика эгоистическими стремлениями и склонностью къ эксплуатаціи сосѣднихъ народовъ,—на эти вопросы могутъ и должны отвѣтить міру и своей совѣсти сами нѣмцы. Если бы имъ удалось доказать, что безъ Австріи и безъ балканской ея политики и безъ союза съ Турціей германскій міръ не можетъ существовать, что это неустранимыя ея историческія задачи, отъ которыхъ отказаться она не можетъ, не отказавшись отъ историческаго своего пути, то мы должны были бы видѣть въ нашей войнѣ одно изъ трагическихъ столкновеній истории, когда два народа толкаются на борьбу внутреннимъ развитіемъ своихъ народностей и когда вопросъ о правотѣ и виноватой сторонѣ становится комически неумѣстнымъ. Я боюсь быть обвиненнымъ въ эстетическомъ увлеченіи сценой міровой борьбы, но она являлась бы слишкомъ постыдной комедіей истории, если бы отвѣтъ за нее можно было бы взвалить на одного императора Вильгельма или кучку прусскихъ юнкеровъ. И мысль о роковой неизбѣжности событій гораздо больше гармонируетъ съ трагической серьезностью переживаемой минуты.

Если мы сознали все изложенное, то для насъ становится неважнымъ, что именно руководить Германией. Для насъ важно то, что она стала поперекъ нашего историческаго пути и что этотъ историческій путь мы сознаемъ, какъ смыслъ и правду историческаго нашего бытія.

Внѣ этого хода мыслей задача осмыслить и оправдать нашу войну представляется мнѣ неразрѣшимой. Вопросъ о такомъ оправданіи долженъ быть поставленъ нашему сознанию, какъ вопросъ о признаніи цѣнности нашей народности, нравственной обязательности для насъ нашего историческаго пути. Эта проблема, единственная неизбѣжная для насъ въ настоящее время, уже давно замалчивалась въ широкихъ кругахъ русской публицистики, и еще теперь есть тенденція разсматривать національный вопросъ, какъ одинъ изъ вопросовъ о правѣ личности каждаго отдѣльнаго человѣка, т.-е. какъ о нѣкоторой субъективной цѣнности.

Война требуетъ отъ насъ отвѣта на вопросъ объ объективной цѣнности нашей народности, ибо лишь сознание этой цѣнности и сознание своего права защищать эту цѣнность даже предъ лицомъ ущерба, наносимаго чужимъ народнымъ цѣностямъ, дастъ русскому обществу разумное оправданіе переживаемаго имъ патріотическаго подъема, т.-е. дастъ ему сознание правды нашей войны.

Дмитрій Муретовъ

Младотурецкая держава. ¹⁾

II.

Внѣшняя политика младотурокъ.

Единственной культурой, повливающей на турецкую жизнь, является культура *французская*. Огромная сеть французскихъ духовныхъ и свѣтскихъ школъ, съ давнихъ поръ разстилавшаяся по Турціи; большое число французскихъ промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій; наконецъ, традиционная политическая франко-турецкая дружба и даже братство по оружію во время крымской войны—всѣ эти обстоятельства обращали взоры всякаго хоть сколько-нибудь мыслящаго турка въ сторону Франціи и заставляли его въ большей или меньшей степени знакомиться съ ея языкомъ. Французское культурное вліяніе одно боролось въ Турціи съ темными силами шеріата.

Особенно близкими къ Франціи чувствовали себя, конечно, *турецкіе либералы*; и когда началось тайное младотурецкое движеніе, политическая эмиграція направилась именно въ эту страну; въ Парижѣ издавался подъ редакціей *Ахмеда-Ризы* младотурецкій органъ *Мешверетъ*; въ то же время французскіе политическіе трактаты, строго воспрещенные Абдуломъ-Хамидомъ, всетаки проникали въ Турцію и будили лѣнливую восточную мысль.

Большимъ обаяніемъ пользовалось всегда въ Турціи и имя *Англіи*, но исключительно какъ защитницы цѣлости имперіи; *культурнаго* вліянія Англія въ Турціи безусловно не имѣла. Турецкіе же либералы поклонялись ей наравнѣ съ Франціей, какъ носительницѣ высшихъ политическихъ идеаловъ.

При такихъ условіяхъ *германобильская* политика султана *Абдула-Хамида* не могла встрѣтить сочувствія среди болѣе образованной части турецкаго общества, находящейся въ глухой оппозиціи деспотическому режиму. Конечно, нѣмецкій языкъ и нѣмецкая „культура“ поневолѣ

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль*, кн. V, 1915 г.

прививались турецкимъ офицерамъ, командированнымъ въ Германію, или юнкерамъ, слушающимъ курсъ наукъ у нѣмецкихъ инструкторовъ въ константинопольскомъ военномъ училищѣ. Но за предѣлы военныхъ круговъ нѣмецкое вліяніе не распространялось. Правда, нѣмцы за послѣднее десятилѣтіе открыли не мало нѣмецкихъ школъ въ Турціи, особенно въ Палестинѣ, но онѣ плохо посѣщались турками. ¹⁾ Вообще нужно сказать, что нѣмецкій характеръ съ его расчетливостью, педантичностью и грубостью очень не по душѣ турку, и всѣмъ извѣстно, что турецкіе солдаты отъ всей души ненавидятъ своихъ нѣмецкихъ инструкторовъ.

Такимъ образомъ, о проникновеніи такъ называемой *германской культуры* въ турецкую жизнь за царствованіе Абдула-Хамида не можетъ быть и рѣчи. А колонизація турецкихъ земель нѣмцами, отдача имъ Багдадской дороги и другихъ выгодныхъ концессій, вообще начинающееся *экономическое* проникновеніе Германіи въ Турцію совершалось, конечно, въ интересахъ не турецкаго народа, а одного Абдула-Хамида. Послѣ личнаго общенія съ Вильгельмомъ, не побрезгавшимъ дважды отправиться на поклонъ къ султану, этотъ послѣдній хорошо зналъ, что нигдѣ онъ не встрѣтитъ такой сильной политической поддержки своему деспотизму, какъ у германскаго императора, конечно, пока онъ будетъ исполнять всѣ его желанія въ области экономической. Такимъ образомъ, составилъ *личный* союзъ двухъ величайшихъ деспотовъ современнаго міра.

При такихъ условіяхъ излишне настаивать на чувствахъ младотурокъ къ нѣмцамъ въ дореволюціонный періодъ ихъ исторіи. И эти чувства дали себя знать, какъ только была одержана первая побѣда надъ Абдуломъ-Хамидомъ и провозглашена конституція.

Отставка великаго везира *Ферида-пашы*, извѣстнаго сторонника Германіи и Австріи, была первымъ ударомъ для германской политики въ Турціи. Феридъ-паша унесъ съ собою всѣ мечты объ австро-германо-турецкомъ союзѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, уже весьма близкомъ къ осуществленію. По этимъ свѣдѣніямъ, наша добрая мюрциггеская союзница Австрія въ 1908 году заключила съ Турціей тайную конвенцію, по которой она обязывалась охранять *status quo* въ Македоніи, а черезъ три года содѣйствовать возстановленію всѣхъ верховныхъ правъ Султана въ этой области. По той же конвенціи Австрія, будто бы, обязалась принудить Сербію и Черногорію къ нейтралитету въ случаѣ столкновенія Турціи съ Болгаріей; Турція же обязалась не допускать сербской пропаганды въ Санджакъ и даровать всѣ концессіи

¹⁾ Я позволю себѣ сослаться на свой собственный опытъ: за 16 лѣтъ своего пребыванія въ Турціи я не встрѣтилъ среди турокъ ни одного *не-военнаго*, говорящаго по-нѣмецки.

въ Салоникскомъ и Ускюбскомъ вилайетахъ однимъ австрійскимъ и венгерскимъ подданнымъ.

Согласно тѣмъ же свѣдѣнiямъ, новые властители Турціи не ратификовали этой конвенціи. Феридѣ замѣнилъ извѣстный англофилъ *Кямилъ-паша*. А новый англійскій посоль *Sir Gerald Lowther*, при прїѣздѣ вынесенный младотурками на рукахъ изъ вагона, подчеркнул на аудіенціи у султана особенныя симпатіи Англiи къ обновленной Турціи. Еще болѣе горячій обмѣнъ симпатій состоялся между младотурками и французскимъ правительствомъ и обществомъ. Но, сверхъ того, произошло нѣчто совершенно неожиданное—сближеніе молодой Турціи съ вѣковымъ врагомъ старой, съ *Россiею*.

Сближеніе это произошло не только потому, что Россія была другомъ Франціи и Англiи. Очень сильное впечатлѣніе на младотурокъ произвелъ циркуляръ *А. П. Извольскаго*, обезпечившій молодой Турціи симпатіи и даже поддержку Россіи, при непремѣнномъ условіи, что она проведетъ возвѣщенные реформы и откроетъ новую эру для христіанскаго населенія имперіи. Не меньшее сочувствіе вызвала въ Турціи рѣчь нашего министра иностранныхъ дѣлъ, произнесенная въ Государственной Думѣ 12 декабря 1903 г. ¹⁾ Идея русско-турецкаго сближенія изъ правительственныхъ сферъ перешла въ общественныя и отразилась въ цѣломъ рядѣ любопытныхъ статей въ русской и турецкой прессахъ. Сначала *Икдамъ* (въ отвѣтъ на статьи *Новаго Времени*), а затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, и политическіе противники *Икдама*—органы комитета „Единенія и прогресса“—*Танингъ* и *Шураи-Умметъ*, стали доказывать необходимость для обновленной Россіи и молодой Турціи забыть старыя счеты и открыть новую эру добрососѣдскихъ отношеній; при этомъ они вполнѣ принимали, какъ входящее въ младотурецкую программу, русское требованіе о равноправности христіанъ съ мусульманами. Названные турецкіе органы стали также сочувственно отзываться на призывъ русской печати къ совмѣстной борьбѣ противъ Австріи и Германіи и даже выражать симпатіи идеѣ образованія балканскаго союза, въ который входила бы Турція. ²⁾

¹⁾ „Эти три государства (Болгарія, Сербія, Черногорія) должны проникнуться сознаниемъ о необходимости между ними нравственнаго и политическаго единенія. Нашей цѣлью должно быть—сплотить между собою эти государства и объединить ихъ вмѣстѣ съ Турціей одною общою мыслью о защитѣ ихъ національной и экономической самостоятельности“.

²⁾ Приводимъ нѣкоторыя любопытныя выдержки изъ статей турецкой періодической печати этого времени.

Икдамъ отъ 22 сентября 1908 года:

„*Новое Времѣ* указываетъ, подкрѣпляя наши прежнія замѣчанія, что доброжелательное отношеніе петербургскаго правительства проявилось на дѣлѣ, т.-е. во взятіи назадъ предложеній о македонскихъ преобразованіяхъ и въ отзываніи русскихъ жан-

Такое отношеніе младотурокъ къ державамъ тройственнаго согласія въ первые медовые мѣсяцы ихъ свободы объясняется, конечно, не только идеологіею, но прежде всего тѣмъ, что Австрія и стоящая за ней Гер-

дармскихъ офицеровъ. Но ватѣмъ газета замѣчаетъ: передъ лицомъ закона Турція сравняла славянъ съ мусульманами; Россія будетъ вполне удовлетворена, если это обѣщаніе будетъ осуществлено *на дѣлѣ*.

„Что касается насъ, то мы не только вполне одобряемъ эти слова, но и придаемъ имъ большое значеніе и обращаемъ на нихъ вниманіе всѣхъ нашихъ соотечественниковъ. Хотя мы это говорили уже не разъ, но, къ сожалѣнію, чувствуется необходимость повторяться.

„Небывалое въ исторіи явленіе, что вся Европа съ Россіей во главѣ предоставляетъ намъ такую свободу дѣйствій, предполагаетъ соблюденіе одного существеннаго условія: что мы осуществимъ въ ближайшемъ будущемъ свободу, равенство и братство которыя мы обѣщали всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ безъ различія племени и вѣроисповѣданія; мы не должны, какъ то было раньше, только начертать ихъ на бумагѣ и нарушать на дѣлѣ. А не то, опять воскреснетъ восточный вопросъ. Опять Россія съ Европой начнутъ вмѣшиваться во всѣ наши внутреннія и влѣшнія дѣла и беспокоить насъ. Зачѣмъ скрывать правду? Зачѣмъ видѣть только выгоды выплывшаго нашего положенія и закрывать глаза на его опасности?“

Издамъ отъ 25 сентября 1908 года: „Мы съ величайшей радостью печатаемъ отвывы русской прессы о настоящемъ положеніи. Наши слова получили подтвержденіе. Россія, по примѣру Англіи, не одобряетъ правонарушеній, совершенныхъ Австріей и Болгаріей, не оправдываетъ ихъ политической необходимостью или давленіемъ общественнаго мнѣнія. Для насъ это благая вѣсть, подкрѣпляющая высказанную нами съ самаго начала мысль о разрѣшеніи вопроса путемъ международной конференціи.

„Изо дня въ день становится очевиднѣе, что наши русскіе друзья обнаруживаютъ въ тысячу разъ болѣе пріязни и расположенія къ оттоманской конституціи, чѣмъ австрійцы и нѣмцы. Слѣдовательно, какъ до извѣстной степени уже выяснилось изъ обмѣна мыслей между нами и *Новымъ Временемъ*, въ русской политикѣ по отношенію къ Турціи произошла весьма счастливая перемена, и отъ степени нашего умѣнія уже будетъ зависеть, какъ мы ея воспользуемся“.

Шураи - Умметъ отъ 28 октября 1908 года: „Мысль о политическомъ соглашеніи между Россіей и Турціей зародилась первоначально въ русской печати и въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Эта мысль возникла сначала въ радикальныхъ и либеральныхъ кружкахъ и органахъ печати. Но постепенно она распространилась и была воспринята остальными партіями. Сегодня эта мысль, съ тѣми или иными оттѣнками раздѣляется всѣми, начиная съ конституционныхъ *Русскихъ Вѣдомостей* и кончая полуофициальнымъ *Новымъ Временемъ*. Это показываетъ, что самые либеральные и самые консервативные русскіе питаютъ однѣ и тѣ же мысли относительно соглашенія съ Турціей. Такое предложеніе русскихъ очень обрадуетъ турецкое общественное мнѣніе, которому извѣстно, что желаютъ дружбы только сильныхъ народовъ. И если петербургскій кабинетъ предложитъ соглашеніе для закрѣпленія искреннихъ отношеній между обѣими странами, то нужно думать, что такое предложеніе будетъ встрѣчено съ полной радостью Портою. По нашему мнѣнію, постоянныя отношенія не исключаютъ возможности заключенія политическаго соглашенія... Со времени Портъ-Артура и Цусимы петербургская иностранная политика стала, дѣйствительно, миролюбивою. Доказательствами этому служатъ: политика соглашеній съ Англіей относительно Индіи, афганской границы и персидскихъ зонъ вліянія; данные па-днихъ Сербіи мудрые со-вѣты; наконецъ, тотъ фактъ, что русская печать и общественное мнѣніе обдумываютъ

манія влили имъ въ этотъ медъ изрядное количество дегтя какъ при соединеніемъ Босніи и Герцеговины, такъ и объявленіемъ независимости

возможность заключенія соглашения съ папъ и сочувственно относятся къ такому соглашенію. Съ сосѣднимъ государствомъ, обнаруживающимъ столь положительнымъ образомъ мирный образъ мыслей, можно заключить соглашение о восточныхъ границахъ Турціи, о румелійскихъ реформахъ, о капитуляціяхъ и объ обезпеченіи настоящаго положенія проливовъ. Истинная политика турецкаго правительства заключается въ обезпеченіи мирнымъ путемъ прогресса культуры и въ защитѣ народныхъ правъ. Настоящее константинопольское правительство готово протянуть руку дружбы и согласія желающему содѣйствовать достиженію имъ этой цѣли. Турки же готовы отвѣтить искренней и настоящей любовью на всякій обнаруженный по отношенію къ нимъ добрый помыселъ“.

Тамимъ отъ 24 ноября 1908 года:

„...Въ русскихъ политическихъ кругахъ полагаютъ, что настало время изыскать средства для созданія препонъ въ австрійской политикѣ на Балкапахъ и скрывающемуся въ этой политикѣ пангерманизму. Тамъ думаютъ, что наступило время отвернуться отъ прошлаго и избрать путь, согласный съ интересами обѣихъ странъ (Россіи и Турціи) въ будущемъ. Если русскимъ дипломатамъ удастся согласовать политику обѣихъ державъ способомъ, соответствующимъ ихъ надеждамъ и идеаламъ, то этимъ онѣ обезпечатъ себѣ крупный успѣхъ въ будущемъ и спасутъ европейское равновѣсіе отъ серьезной опасности“.

Шураи-Ужметъ отъ 21 ноября 1908 года:

„*Новое Время* видитъ, что Турція обновляется. Оно говоритъ, что отношенія между Турціей и балканскими славянами измѣнятся кореннымъ образомъ и что вслѣдствіе совпаденія интересовъ всѣ они могутъ образовать одно цѣлое.—У малыхъ государствъ всегда „великія идеи“, вредныя для нихъ самихъ и безпокоящія великія державы... Если балканскія государства откажутся отъ этихъ „великихъ идей“, то Турція готова собрать ихъ вокругъ себя и быть съ ними въ союзѣ...“

„Что касается дружескаго соглашения и союза съ Россіей, то Турція, управленіе и политика которой подвергаются обновленію, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ мирѣ. Нужно возобновить дружественныя отношенія со всѣми государствами и въ особенности съ русскимъ сосѣдомъ. Слова *Новаго Времени*: „подобно тому какъ Россія заключила дружеское соглашение съ вѣковымъ своимъ врагомъ, Англіею, точно такъ же она можетъ заключить союзъ съ Турціею, находящейся въ тѣхъ же условіяхъ“, соответствуютъ, по нашему убѣжденію, интересамъ обѣихъ государствъ; Россія, какъ и мы, нуждается въ мирѣ. Союзъ между двумя государствами требуется слѣдующими обстоятельствами: обѣ стороны пужаются въ мирѣ; Россія и Турція—сосѣди; у Россіи есть мусульманскіе подданные, а у насъ—славянскіе.“

„Въ былое время Англія, Франція и Турція бокъ-о-бокъ вели войну съ Россіей. Сегодня же Россія заключила съ Англіей дружественное соглашение, а съ Франціей находится въ союзѣ. Какъ мы во время крымской кампаніи рядомъ съ этими великими державами сражались противъ Россіи, такъ и нынѣ, вмѣстѣ съ ними, мы должны быть союзниками Россіи.“

„Одинъ нѣмецкій ученый сказалъ: для того, чтобы итти впередъ, нужно забыть о прошломъ. Наци, а въ особенности ихъ руководители должны забывать о ненависти, злобѣ, враждѣ и негодованіи, дабы обрѣсти миръ. Если изъ Петербурга намъ будутъ предложены соглашеніе или союзъ, въ формѣ, соответствующей интересамъ и достоинству обѣихъ государствъ, мы примемъ и оцѣнимъ такое предложеніе съ полной искренностью и радостью“.

Болгаріи, приписаннымъ младотурками главнымъ образомъ проискамъ Австріи. А въ это время *Россия* выступила съ финансовымъ предложениемъ, предупредившимъ конфликтъ между Турціей и Болгаріей; а именно, русское правительство дало софійскому кабинету возможность покончить безъ немедленныхъ затратъ всѣ денежные счета съ Турціей; согласно русскому предложению, большая часть турецкаго долга России, состоящаго изъ неуплаченныхъ еще взносовъ военного вознагражденія за войну 1877 года, была переведена на Болгарію.

Въ эти дни, казалось, *австро-германскому вліянію въ Турціи* былъ положенъ *конецъ*. Австрійскіе товары *бойкотировались* самымъ безпощаднымъ образомъ во всей имперіи; на многочисленныхъ митингахъ проклинали имя Австріи, а передъ посольствами тройственного соглашения происходили сочувственныя демонстраціи, и пріѣзжающіе въ Константинополь французскіе и англійскіе политическіе дѣятели, а также русскіе, какъ, на примѣръ, *А. И. Гучковъ*, чествовались младотурками (январь 1909 г.).

Но все это продолжалось не долго.

Первая брешь въ начинающееся сближеніе между Турціей и тройственнымъ соглашеніемъ была пробита вынужденной *отставкою англо-фильскаго великаго везира Кямила-паши*, вызвавшей въ Англии сильное охлажденіе къ младотуркамъ. Съ другой стороны, послѣдовавшее 26 февраля 1909 года соглашеніе съ Австріей по боснійскому вопросу повело къ нѣкоторому осторожному сближенію Порты съ тою же Австріей на почвѣ такъ называемой *сербской опасности*. Все же къ концу перваго періода младотурецкаго господства, т.-е. наканунѣ переворота 31 марта 1909 года, положеніе тройственного союза въ Константинополь было очень шаткое, и въ частности Германия *не* вернула утраченныхъ ею вслѣдствіе младотурецкой революціи позицій. Поэтому реакціонный переворотъ 31 марта былъ встрѣченъ германскимъ посольствомъ и стамбульскими нѣмцами съ плохо скрываемымъ чувствомъ удовлетворенія.

Но совершенно неожиданно положеніе измѣнилось въ пользу Германии не послѣ реакціоннаго переворота, а какъ только былъ низложенъ Абдуль-Хамидъ. Во главѣ оккупационной армии и временнымъ диктаторомъ молодой Турціи оказался испытанный другъ Германии *Махмудъ-Шевкетъ-паша*. И немедленно вся официальная и неофициальная Германия стали выкрикивать съ необыкновеннымъ цинизмомъ, что онѣ никогда не сочувствовали лично Абдуль-Хамиду, а *всей* благородной турецкой націи. Дипломатическое положеніе тройственного союза еще болѣе упрочилось, когда мѣсто великаго везира Хильми-паши въ январѣ 1910 года занялъ личный другъ германскаго посла, барона Маршалла-фонъ-Биберштейна, *Хакъы-паша*.

Помимо этих чисто *внешних* причин, имѣлся цѣлый рядъ очень глубокихъ *внутреннихъ*, обусловившихъ за второй періодъ младотурецкаго владычества новый сдвигъ Турціи въ сторону тройственного союза.

Одной изъ такихъ причинъ являлся злополучный *критскій* вопросъ. Къ началу конституціоннаго періода на островѣ уже не было турецкихъ войскъ, замѣненныхъ отрядами четырехъ державъ-покровительницъ (Россия, Англія, Франція, Италія), и власть султана существовала только по имени. Тѣмъ не менѣе турецкое общественное мнѣніе относилось къ малѣйшему нарушенію этихъ чисто-фигтивныхъ правъ султана съ большою чуткостью и ревностью, чѣмъ къ потерѣ турецкихъ правъ на Болгарію и Боснію. Такимъ образомъ, четыремъ державамъ приходилось лавировать между вполне естественными стремленіями критянъ къ полному сліянію съ Греціей и до болѣзненности чувствительнымъ самолюбіемъ младотурокъ. Германия же и Австрія, ушедшія уже давно изъ концерта великихъ державъ по критскому вопросу, оставались нейтральными зрительницами и не упустили случая использовать создавшееся положеніе. Во время боснійскаго кризиса христіанскіе члены критскаго собранія присягнули греческому королю. Тѣмъ болѣе фактъ отозванія державами-покровительницами въ іюнѣ 1909 года своихъ отрядовъ съ острова вызвалъ среди младотурокъ большую горечь. Вторичное принесеніе критскимъ собраніемъ греческому королю присяги въ 1910 году, требованіе принесенія этой присяги отъ мусульманскихъ членовъ собранія и отъ мусульманскихъ судей (кадіевъ), избраніе критянами депутатовъ въ греческій парламентъ—всѣ эти факты сильно раздражали младотурокъ и привели къ очень дѣятельному бойкоту греческой торговли въ имперіи. Въ то же время въ турецкой прессѣ все сильнѣе звучала нота раздраженія противъ державъ-покровительницъ, въ особенности противъ Англіи, несмотря на то, что эти державы отказывали всѣмъ шагамъ критянъ въ своей санкціи и даже арестовали посланныхъ въ Аѳины депутатовъ. Турки требовали официального признанія своего суверенитета надъ островомъ, о которомъ умалчивалось въ критской конституціи, и, не получая его, преисполнялись злобою противъ державъ-покровительницъ.

Не менѣе выгодное положеніе, чѣмъ въ критскомъ вопросѣ, Германия и Австрія, силою вещей, занимали въ несравненно болѣе важныхъ для Турціи вопросахъ *македонскомъ* и *балканскомъ*. Россія, въ силу своей исторической миссіи, всегда должна была свои дружескія чувства къ Турціи соразмѣрять со степенью доброжелательства турецкой политики по отношенію къ македонскимъ славянамъ и къ славянскимъ государствамъ на Балканахъ. Германия же и Австрія, свободныя отъ подобныхъ узъ, могли, въ случаѣ нужды, приобрести дружбу Порты цѣною допущенія турецкаго произвола въ Македоніи или даже путемъ совмѣстнаго

съ Турціей выступленія противъ естественныхъ защитницъ македонцевъ— Сербіи и Болгаріи. Такое положеніе сильно облегчало австро-германской дипломатіи ея интриги противъ Россіи.

Русская идея балканскаго блока или союза, въ который входила бы Турція, въ началѣ конституціоннаго періода была встрѣчена турецкою печатью съ сочувствіемъ, въ которомъ проскальзывало, однако, очень часто нѣкоторое къ намъ недовѣріе. Путешествіе въ февралѣ 1910 года короля Фердинанда въ Петроградъ и ласковый приемъ, ему тамъ оказанный, сильно встревожили турокъ; разумѣется, австрийское и германское правительства воспѣшили усилить эту тревогу, издавъ Communiqué о свиданіи въ Берлинѣ канцлера *Бетмана-Хольвега* съ графомъ *Эренталемъ*, въ которомъ подчеркивалось ихъ сочувствіе сохраненію status quo на Ближнемъ Востокѣ и упроченію внутренняго строя Турціи, какъ будто тому или другому угрожала опасность. Русской дипломатіи въ Царьградѣ удалось, впрочемъ, временно разсѣять неосновательныя турецкія подозрѣнія. Послѣдовавшія вскорѣ затѣмъ путешествія въ Константинополь, сначала министровъ Данева и Миловановича, а затѣмъ самихъ королей Фердинанда и Петра (въ мартѣ 1910 года), не привели, однако, къ какимъ-либо существеннымъ результатамъ, да и не могли къ нимъ привести въ виду непрекращенія турецкаго террора въ Македоніи. Съ другой стороны, подъ влияніемъ этихъ насилій надъ славянами, русская, французская и англійская печать постепенно переходила отъ дружескаго отношенія къ молодой Турціи къ рѣзко отрицательному. Это настроеніе общественнаго мнѣнія странъ тройственнаго согласія должно было заставить Турцію или отказаться отъ своей политики репрессій, или же застраховать себя въ Берлинѣ и Вѣнѣ отъ опасности новаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Младотурки выбрали *второй* путь, т.-е. они пошли туда, гдѣ ихъ антиславянская политика вызывала не критику, а живѣйшее одобреніе и сочувствіе.

Поощряя, такимъ образомъ, безразсудную политику младотурокъ въ Европѣ, *австро-германская дипломатія* толкала ихъ на приключенія и въ *Азій*, указывая на опасность, грозящую имъ будто бы въ *Арменіи*—отъ Россіи, въ *Аравіи*—отъ Англій, стремящейся къ созданію арабскаго халифата, а въ *Персіи*—отъ той и другой.

Въ разсматриваемомъ періодѣ особенную важность приобрѣлъ *персидско-турецкій пограничный споръ*. Съ давнихъ поръ Турція отдѣлялась отъ Персіи не пограничною чертою, а такъ называемой спорною или нейтральной зоной, въ которой фактически распоряжались пограничныя племена. Въ 1905 году, пользуясь исключительными обстоятельствами, созданными нашей войной съ Японіей, турки начали наступательное движеніе въ глубь *безспорной* персидской территоріи и къ 1910 году уже занимали значительную часть Персіи на востокъ отъ нейтральной

зоны (около 12,000 километровъ). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это движеніе турокъ имѣло ближайшею цѣлью пріобрѣсти базу противъ Россіи. Захваты въ Персіи обезпечивали Турціи не только болѣе удобныя дороги для передвиженія своихъ войскъ изъ Мессопотаміи на сѣверъ, но и приблизили ее къ Хою, отчего возникала опасность для Эриванской губерніи. А послѣ нашего появленія въ Азербейджанѣ турецкая оккупация пограничныхъ персидскихъ областей являлась уже угрозою для нашего отряда въ Тавризѣ. Отсюда ясно, что персидско-турецкій пограничный споръ имѣлъ огромное значеніе для Россіи, а также и для Англии. Начиная съ 1905 года русскій и англійскій послы протестовали передъ Портой противъ турецкихъ захватовъ. Совмѣстные протесты эти приняли весьма настойчивый характеръ послѣ заключенія англо-русскаго соглашения 1907 года, но они не имѣли особаго успѣха до послышки русскаго отряда въ Хой, остановившаго по крайней мѣрѣ дальнѣйшее движеніе турокъ.

Такимъ образомъ, *персидско-турецкій вопросъ* въ разсматриваемый періодъ 1909—1911 годовъ являлся однимъ изъ самыхъ большихъ мѣстъ русско-турецкихъ и англо-турецкихъ отношеній. Тайно поощряемые Германией въ своемъ движеніи въ Азербейджанѣ, населенный тюркскими племенами, младотурки встрѣтили со стороны Россіи и Англии энергичный отпоръ, который вызвалъ въ нихъ противъ этихъ державъ плохо скрываемое озлобленіе.

Несмотря, однако, на значительный успѣхъ своихъ интригъ, Германіи и Австріи все же не удалось, ни во время великаго везирата *Хильми-пашы*, ни даже при *Хаккы-пашы*, т.-е. вплоть до итальянской войны, склонить Турцію къ *открытому* переходу на сторону тройственнаго союза. Правда, *Хаккы-паша* и *Махмудъ-Шефкетъ* были безусловно за самое тѣсное единеніе съ Германіей и Австріей; *фонъ-деръ-Гольцъ* занялся реорганизаціей турецкой арміи, среди которой все болѣе усиливались германофильскія тенденціи; наконецъ, *Хаккы-паша* поѣхалъ въ августѣ 1910 года въ *Маріенбадъ* на поклонъ къ графу Эренталю; а о содержаніи происходившихъ тамъ бесѣдъ можно судить по рѣчи въ австрійскомъ рейхсратѣ депутата *Бернрейтера* о подготовляющемся соглашеніи между Австріей, Германіей и Турціей съ цѣлью созданія „мирной укрѣпленной позиціи отъ Босфора до Балтики“. Все же *союза* пока заключено не было, въ виду существующаго среди гражданскихъ членовъ „Единенія и прогресса“ течения, не желающаго окончательно порывать съ тройственнымъ согласіемъ.

Что это теченіе, во главѣ котораго стояли такіе вліятельные члены партіи, какъ *Талаатъ*, *Джавидъ*, *Хуссейнъ-Джахидъ* и *Хамидъ*, было въ это время довольно сильнымъ, доказывается многими фактами. Такъ, напри- мѣръ, еще въ декабрь 1909 года нѣмцы повели очень тонкую интригу

въ турецкомъ парламентѣ противъ Хильми-паши за принятіе имъ проекта англичанина Линча объ образованіи новаго оттоманскаго общества пароходства по Тигру и Евфрату; газета *Танинъ*, органъ „Единенія и прогресса“, разоблачила нѣмецкую интригу, которая и кончилась полнымъ фіаско. Приѣмъ, оказанный впоследствии тому же Хильми-пашѣ, послѣ его паденія, во Франціи, Англии, и особенно въ Россіи, со стороны правительства и части общества (напомню о банкетѣ въ редакціи *Новаго Времени*), былъ встрѣченъ въ тѣхъ же младотурецкихъ кругахъ съ особымъ удовлетвореніемъ. Весьма характерно также, что русские участники славянскаго съѣзда въ Софіи, въ томъ числѣ предсѣдатель нашей Государственной Думы *А. И. Гучковъ*, проѣзжавшіе въ іюль 1910 года черезъ Константинополь, были сочувственно встрѣчены многими младотурецкими дѣятелями. А по поводу свиданія Хаккы-паши съ Эренталемъ офицозъ комитета *Танинъ* напечаталъ весьма несочувственную политикѣ Австріи и Германіи статью, вызвавшую яростную отвѣдь со стороны органа германскаго посольства *Osmanischer Lloyd*.

Такое отношеніе группы Талаата и Джавида къ тройственному согласію въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ министерства Хаккы-паши, основывалось какъ на спасительномъ страхѣ передъ мощью Россіи и Англии, такъ и на постоянной необходимости прибѣгать къ *французскому денежному рынку*.

Правда, именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи младотурокъ вскорѣ постигло разочарованіе. Турецкое финансовое хозяйство не поправилось съ введеніемъ конституціи. Дефицитъ бюджета 1909 года составлялъ 5.460,583 лиры, т.-е. свыше сорока милліоновъ рублей, а правительственный проектъ росписи на 1910 годъ предвидѣлъ дефицитъ въ 6.800,000 лиръ, равняющіеся 58½ милліонамъ рублей. Палата же депутатовъ, сокративъ нѣкоторые доходы и увеличивъ чрезвычайные расходы, довела дефицитъ до 10¼ милліоновъ турецкихъ лиръ (95 милліоновъ рублей), причемъ огромная часть расходовъ падала на армію. Поэтому, вполне понятно, что французское правительство, прежде чѣмъ допустить къ котировкѣ на парижской биржѣ новый турецкій заемъ, поставило Портѣ въ 1910 году рядъ условій, сводящихся къ установленію нѣкотораго французскаго контроля надъ турецкими финансами. Такое требованіе Франціи, отвергнутое Портою, сильно озлобило всѣ безъ исключенія младотурецкіе круги, и даже франкофильскій *Танинъ* сталъ самымъ ожесточеннымъ образомъ нападать на „меркантильную“ политику Франціи. Австрія и Германія, несмотря на свою финансовую слабость, сочли необходимымъ прійти на помощь Турціи: и турецкій заемъ въ 7 милліоновъ лиръ былъ заключенъ, *безъ* введенія контроля надъ турецкими финансами, у консорціума, въ которомъ должны были принять участие 32 германскихъ и австрійскихъ банка.

Оказанная въ такой критическій моментъ услуга, конечно, сильно увеличила популярность Германіи среди младотурокъ и приобрѣла ей новыхъ сторонниковъ. Но впечатлѣніе, произведенное ловкимъ ходомъ нѣмцевъ, было вскорѣ нѣсколько ослаблено *потсдамскимъ свиданіемъ*, во время котораго Германія сговорилась, между прочимъ, съ Россією о смычкѣ Багдадской дороги съ персидскими, нисколько не считаясь въ тарифномъ вопросѣ съ правами турецкаго суверенитета; заставили турокъ нѣсколько насторожиться и настойчивость Австріи въ вопросѣ о постройкѣ *Санджакской дороги* отъ Митровицъ до Уваца, а также заступничество той же Австріи за возставшихъ албанцевъ. Помимо того, ярко обнаружившаяся финансовая слабость тройственного союза доказала всѣмъ туркамъ необходимость рано или поздно опять обратиться къ денежному рынку Франціи. А потому въ концѣ 1910 года окончательно восторжествовала политика, являющаяся равнодѣйствующей между германофильствомъ Хаккы-паши и Махмуда-Шефкета, съ одной стороны, и тяготѣніемъ къ тройственному согласію группы Талаата-Джавида—съ другой. Въ началѣ декабря 1910 года *Хаккы-паша* долженъ былъ заявить въ парламентѣ, что „денежный вопросъ“ не могъ повредить исторической франко-турецкой дружбѣ и что вообще Турція желаетъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ со *всеми* великими державами; и аналогичное заявленіе министръ иностранныхъ дѣлъ Рифаатъ-паша сдѣлалъ палатѣ въ апрѣлѣ 1911 года.

Заявленія эти означаютъ, конечно, только, что Турція *официально* не примкнула къ тройственному союзу. Втайнѣ правительство весьма часто слѣдовало внушеніямъ Берлина, и если весь періодъ отъ второго министерства Хильми-паши (апрѣль 1909 года) до итальянской войны (сентябрь 1911 года) можно охарактеризовать, какъ періодъ *выжидательнаго нейтралитета*, то, конечно, лишь съ оговоркою, что этотъ нейтралитетъ, хотя и съ небольшими заминками, становился все болѣе и болѣе благоприятнымъ по отношенію къ Германіи.

Итало-турецкая война поставила Германію въ весьма двусмысленное положеніе между *другомъ*—Турцією и *союзникомъ*—Италією. Рѣшивъ, что она исполнила въ достаточной мѣрѣ свой долгъ передъ союзникомъ, позволивъ ему напасть на друга, германская дипломатія въ дальнѣйшемъ приложила всѣ старанія, дабы задобрить этого друга, предоставивъ ему весьма существенныя компенсаціи, уже за счетъ союзника. Такъ, на примѣръ, принявъ покровительство надъ итальянскими подданными въ Турціи, германское посольство согласилось на лишеніе ихъ на время войны всѣхъ капитуляционныхъ привилегій, тогда какъ въ 1877 г. то же посольство отстаивало эти преимущества для покровительствуемыхъ имъ тогда русскихъ подданныхъ.

Несмотря, однако, на эти и другія любезности, германское вліяніе

за время итальянской войны все же поколебалось. Политика министерства Хаккы-паши стала подвергаться ожесточенному осуждению. Новый великий везирь *Саид-паша* высказался против „политики изоляции“, а младотурецкая печать стала в первый мѣсяцъ войны склоняться на сторону тройственного согласія и въ особенности обсуждать возможность соглашенія съ Россіей.

На этотъ разъ, однако, молодая Турція не встрѣтила, да и не могла встрѣтить особеннаго сочувствія у русскаго общественнаго мнѣнія, уже извѣрившагося въ возможность ея обновленія. Помимо того, эта война съ особенной силой дала почувствовать русскому обществу всю неестественность нашего положенія въ Черномъ морѣ и обидную зависимость нашей торговли отъ усмотрѣнія Турціи. Проливы оставались закрытыми въ началѣ войны въ теченіе нѣсколькихъ дней, а послѣ бомбардировки итальянцами Дарданеллъ—въ теченіе мѣсяца (5 апрѣля—5 мая), нанося огромные убытки нашей хлѣбной торговлѣ. Конечно, трудно было отрицать право Турціи минировать проливы для закрытія врагу доступа въ столицу Имперіи. Но это обстоятельство особенно рѣзко подчеркнуло непримиримость нашихъ и турецкихъ интересовъ въ проливахъ. Правда, нашелся турецкій журналистъ, извѣстный *Хуссейнъ-Джахидъ-бей*, имѣвшій мужество публично заявить въ своей газетѣ, что Россія должна имѣть право свободнаго прохода черезъ проливы даже для своихъ военныхъ судовъ, хотя и съ условіемъ, чтобы въ теченіе сутокъ проходило не болѣе одного судна. Но мнѣніе Джахида не встрѣтило сочувствія и навлекло на него всеобщія нареканія, и онъ съ трудомъ избѣжалъ исключенія изъ партіи.

Въ рѣчи, произнесенной 13 апрѣля 1912 года, нашъ *министръ иностранныхъ дѣлъ*, указывая на смуту въ Албани, Македоніи и на Критѣ, съ полнымъ основаніемъ сказалъ, что „положеніе дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ не можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ“. Онъ указалъ при этомъ, что для обезпеченія Турціею внутренняго мира на своей территоріи „лучшимъ, едва ли не единственнымъ, средствомъ является внимательное и справедливое попеченіе о культурныхъ и экономическихъ нуждахъ ея разноплеменнаго христіанскаго населенія“. Эти слова нашего министра вызвали крайнее неудовольствіе турецкой печати, усмотрѣвшей въ нихъ возвращеніе къ вмѣшательству во внутреннія турецкія дѣла. Между тѣмъ *С. Д. Сазоновъ* только подчеркнул то непремѣнное условіе нашихъ дружескихъ отношеній къ молодой Турціи, которое съ 1908 года лежало въ основаніи всей нашей политики. Критика турецкой печати только показала, что Турція 1912 года, въ отличіе отъ Турціи 1908 года, уже считала это условіе для себя стѣснительнымъ.

Если теперь вспомнить, что въ это же время обстоятельства выну-

дили насъ *усилить наши отряды въ Тавризъ* и другихъ пунктахъ *Азербейджана*, что не могло, конечно не волновать турецкихъ панисламистовъ, то станеть понятнымъ, почему нѣкоторое паденіе германскаго вліянія въ Турціи не сопровождалось соотвѣтственнымъ усиленіемъ нашего.

Наконецъ, не только Россія, но и Франція и Англія, находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Италіей, не могли приобрести симпатій Порты той цѣною, которой она требовала: содѣйствіемъ ея стремленію сохранить турецкій суверенитетъ надъ Триполитанією. А потому всѣ члены тройственнаго согласія, и въ особенности Россія, къ концу войны стали обвиняться въ италюфильствѣ. Такимъ образомъ, тройственному согласію не пришлось занять временно оставленныхъ германскихъ позицій, на которыя, впрочемъ, медленными, но вѣрными шагами возвращался баронъ Маршаллъ, не отказывая подчасъ турецкому другу въ добромъ совѣтѣ противъ итальянскаго союзника.

Къ концу итальянской войны лѣтомъ 1912 года разрѣшился и *балканскій кризисъ* такъ, какъ фатально онъ долженъ былъ разрѣшиться, въ виду упорнаго нежеланія турецкаго правительства обезпечить христіанскому населенію Македоніи хоть сколько-нибудь сносныя условия существованія. Турція очутилась передъ лицомъ грозной балканской коалиціи. Желая предупредить войну, великія державы заявили Портѣ и балканскимъ государствамъ, что возьмутъ въ свои руки осуществленіе реформъ на основаніи 23 статьи берлинскаго трактата. Переданная по этому случаю Портѣ 27 сентября 1912 года коллективная нота державъ знаменуетъ официальный конецъ эры невмѣшательства Европы во внутренній дѣла Турціи и международное признаніе краха младотурецкаго режима. И эту ноту подали не только постоянные защитники христіанъ на Балканахъ—Россія, Франція и Англія,—но и тайные попустители и подстрекатели Порты—Германія и Австро-Венгерія.

Но это вмѣшательство не задержало войны. Извѣрившіяся въ помощь Европы балканскія державы предъявили *непосредственно султану* требованія самыхъ серьезныхъ гарантій, а Порта отвѣтила великимъ державамъ, что иностраннаго вмѣшательства не допустить и что сама проведетъ нужныя реформы.

Первые блестящіе успѣхи союзниковъ поставили *Германію* въ еще болѣе непріятное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находилась во время итальянской войны. Съ одной стороны, турки, разбитые *русскими* выучениками—болгарами, сербской артиллерією отъ *Creusot*, и греками, обученными *французской* военной миссіей, вполнѣ естественно стали роптать на нѣмецкихъ учителей и орудія Круппа. Съ другой стороны, германское общественное мнѣніе, раздраженное въ свою очередь разгромомъ безталанныхъ учениковъ прусскаго генеральнаго штаба, не проявляло, по крайней мѣрѣ въ печати, особенно рыцарскихъ чувствъ

по отношенію къ побѣжденнымъ. Но этотъ непріятный для обѣихъ сторонъ моментъ быстро прошелъ. Турки, уже готовившіеся къ отъѣзду въ Азію, нѣсколько оправились на чатаджинскихъ позиціяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно бросились въ объятія Германіи. Германія же крѣпко сомкнула эти объятія, твердо рѣшивъ на этотъ разъ не выпускать дорогого друга, а превратить Турцію въ вассальное государство.

Этотъ новый сдвигъ Турціи въ сторону нашихъ враговъ объясняется, конечно, не искусствомъ германской дипломатіи, а неумолимою логикою событій. Симпатіи державъ тройственнаго согласія, и въ особенности Россіи, всецѣло были на сторонѣ союзниковъ. То обстоятельство, что въ первые мѣсяцы войны (отъ октября 1912 года до января 1913 года) у власти находились враги младотурокъ, не могло, конечно, имѣть какого-либо значенія, въ виду обнаружившейся полной несостоятельности *всего* новаго режима и вытекающей отсюда необходимости покончить съ турецкимъ владычествомъ надъ христианами, хотя бы въ Европѣ. Поэтому державы тройственнаго согласія, и въ особенности Россія, не могли отказать союзникамъ въ дѣятельной дипломатической поддержкѣ даже въ самомъ больномъ для турецкаго самолюбія вопросѣ объ уступкѣ *Адрианополя* Болгаріи. 8 декабря 1912 года русский министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ послу въ Константинополь: „Полагаемъ, что послѣднія пренія въ Думѣ и формула перехода къ дѣламъ, принятая Государственнымъ Совѣтомъ, не должны оставить у турокъ сомнѣніи въ единодушномъ настроеніи русскаго общества“. А 2 января 1913 года С. Д. Сазоновъ телеграфировалъ императорскому послу въ Лондонѣ: „Въ то же время мы считаемъ долгомъ указать Турціи на возможность осложненія въ случаѣ ея упорства и ясно дать ей понять, что Турціи не на что надѣяться, ибо, даже въ случаѣ частичнаго успѣха турокъ, мы не будемъ въ состояніи остаться равнодушными къ пораженію болгаръ“. Правда, 4 января 1913 года представители *всѣхъ шести* великихъ державъ подали Портѣ коллективную ноту, въ которой совѣтовали ей согласиться на уступку *Адрианополя*. Но не подлежитъ сомнѣнію, что германское посольство, распускаящее среди турокъ слухи о томъ, что оно содѣйствовало смягченію этой коллективной ноты, подъ рукою поощряло Порту къ продолженію сопротивленія.

Переворотъ 10 января и возвращеніе младотурокъ къ власти, конечно, еще болѣе усилили вліяніе Германіи. Ненависть турокъ въ этотъ моментъ обратилась въ особенности противъ Франціи, которая, желая побудить Порту къ скорѣйшему заключенію мира, противилась всякимъ турецкимъ займамъ во французскихъ банкахъ. Германское посольство всячески разжигало эту ненависть противъ Франціи и ея союзницъ, раумѣется, еще усилившуюся послѣ взрыва энтузіазма, который паденіе *Адрианополя* (13 марта) вызвало въ странахъ тройственнаго согла-

сія, особенно же въ Россіи. Наконецъ, въ юлѣ 1913 года, когда вторая балканская война заставила болгаръ очистить Адрианополь, и турки, несмотря на лондонскій прелиминарный миръ, стали переходить черезъ линію Энось—Мидія, Германия, внѣ всякаго сомнѣнія, опять играла имъ въ руку, хотя и участвовала въ официальныхъ протестахъ всѣхъ державъ противъ захвата Адрианополя.

Послѣ заключенія сепаратнаго мира съ Болгаріей Порта принуждена была, однако, вновь искать матеріальной помощи у Франціи, такъ какъ только эта страна могла ее вывести изъ почти безнадежнаго финансоваго положенія. И дѣйствительно, въ сентябрѣ 1913 года между Турціей и Франціей состоялось *предварительное соглашеніе по финансовымъ и желѣзнодорожнымъ вопросамъ*, выгодное для обоихъ государствъ. Но это обстоятельство не могло уже измѣнить курса турецкой политики. Правда, министръ финансовъ *Джавидъ-бей* осмѣлился высказать редактору газеты *Stamboul* взглядъ, что Турція должна держаться одной Франціи („с'est vers la France seule que nous nous orienter“); но германскій посолъ баронъ *Вангенеймъ* немедленно пожаловался на Джавида великому везиру, а комитетъ „Единенія и прогресса“ выразилъ министру финансовъ порицаніе.

Въ томъ же 1913 году Германия выступила по очень важному для Турціи вопросу *армянскому*. Въ этомъ дѣлѣ роль защитницы Турціи отъ опасныхъ автономій осложнилась для Германіи желаніемъ пріобрѣсти симпатіи армянскаго населенія, являющагося очень сильнымъ экономическимъ факторомъ въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи, предназначенныхъ для германской колонизаціи. Германия рѣшила поэтому вести двойную игру. Какъ извѣстно, починъ въ дѣлѣ введенія реформъ въ Арменіи взяла на себя Россія, предложивъ великимъ державамъ поручить своимъ посламъ въ Царьградѣ выработать проектъ реформъ. Германия участвовала наравнѣ съ другими въ еникейской конференціи делегатовъ посольствъ, но сдѣлала все возможное, чтобы помѣшать принятію совѣщаніемъ русскаго проекта реформъ, создававшаго изъ Арменіи привилегированную провинцію по образцу Ливана и Восточной Румелии. Въ виду необходимости достиженія соглашенія между всѣми державами предварительно обращенія къ Портѣ, намъ пришлось сдѣлать Германіи нѣкоторыя уступки, значительно сузившія размѣры реформъ; послѣ этого русскій и германскій послы, какъ представители обѣихъ политическихъ группъ державъ, начали совмѣстное давленіе на Порту, съ цѣлью побудить ее къ принятію установленной между ними *сокращенной программы*, по которой Арменія дѣлилась на два сектора, находящіеся подъ управленіемъ генеральныхъ инспекторовъ изъ иностранныхъ.

Вскорѣ, однако, настоянія *германскаго* посольства ослабѣли, а по-

томъ и совершенно прекратились. Это означало, что старанія германскаго правительства привлечь на свою сторону не только турецкихъ палачей, но и терзаемыхъ ими армянъ, потерпѣли у послѣднихъ полнѣйшее фiasco. Весь довольно наивный расчетъ германской дипломатии заключался въ томъ, что Порта будетъ ей благодарна за сокращеніе реформъ, а армяне за ихъ допущеніе, хотя бы и въ сокращенномъ размѣрѣ. Между тѣмъ, саботажъ русскаго проекта вызвалъ среди турецкихъ армянъ живѣйшее негодование противъ Германии. Выписанный изъ Берлина нѣмецкій арменологъ, докторъ *Ленсіуэзъ*, не смогъ побороть этого настроенія армянскаго общества, хотя онъ и старался соблазнить армянъ обѣщаніемъ открытія въ Турціи армянскихъ школъ за счетъ германскаго правительства, а также перспективой перехода командованія надъ вооруженными силами Оттоманской имперіи къ нѣмецкимъ офицерамъ; эта послѣдняя реформа, по мнѣнію почтеннаго доктора, должна была *вполнѣ* обезпечить личную и имущественную неприкосновенность армянъ.

Видя неуспѣхъ своихъ заигрываній, Германия заняла въ концѣ переговоровъ рѣзко враждебную позицію по отношенію къ армянамъ. Такимъ образомъ, обязательство обратиться къ державамъ съ заранѣе установленнымъ проектомъ реформъ Турція приняла на себя, актомъ 26 января 1914 года, по отношенію къ одной Россіи.

Огромное значеніе акта 26 января для Россіи заключается въ томъ, что онъ содержитъ *официальное признаніе Портою русскаго покровительства надъ турецкими армянами*, т.-е. отъ 61 статьи берлинскаго трактата вновь привелъ насъ къ 16 статьѣ санъ-стефанскаго. Немного раньше, 4/17 ноября 1913 года, послѣ долгихъ переговоровъ, подписанъ былъ въ Константинополѣ *турецко-персидскій протоколъ разграниченія*, въ которомъ восторжествовала русско-англійская точка зрѣнія, т.-е. была закрѣплена граница, фактически существовавшая до 1905 г., когда начались турецкіе захваты. Такимъ образомъ, наша дипломатія одержала два крупныхъ успѣха въ эпоху очень сильнаго германскаго вліянія въ Константинополѣ. Конечно, съ этими побѣдами Германия примирилась только потому, что еще не вполнѣ была готова къ войнѣ съ нами и недостаточно подготовила къ ней турокъ. Зато она немедленно взялась за эту подготовку.

Въ ноябрѣ 1913 года *военная миссія генерала Лимана фонъ-Сандерса* прочно утвердилась на берегахъ Босфора, и хотя, въ виду протестовъ тройственнаго согласія, генералъ Сандерсъ и былъ черезъ нѣ-

¹⁾ Благодаря энергии русскаго члена разграничительной комиссіи *В. Ф. Минорскаго* и англійскаго — *Wratislaw*, проведеніе границы на мѣстахъ было закончено до начала русско-турецкой войны, такъ что эта новая граница можетъ служить основой при будущихъ мирныхъ переговорахъ.

которое время отставленъ отъ командованія константинопольскимъ корпусомъ, все же онъ остался фактическимъ руководителемъ арміи, и влияние его еще болѣе возросло послѣ назначенія военнымъ министромъ Энвера-паши, яраго германофила.

Я позволю себѣ высказать, какъ личное мнѣніе, что съ самаго момента появленія миссіи Сандерса, если не ранѣе, большинство вліятельныхъ младотурокъ, и особенно военные, рѣшили въ грядущемъ мировомъ конфликтѣ стать на сторону Германіи, дабы смыть съ себя позоръ балканскихъ пораженій. Попытки ихъ по-старому играть въ дружбу со *всѣми* державами пріобрѣтали все болѣе характеръ недостойныхъ и прозрачныхъ комедій. Подъ шумокъ сладкихъ рѣчей, раздававшихся въ *комитетахъ сближенія*, русско-турецкомъ, франко-турецкомъ, итало-турецкомъ и иныхъ—младотурки рѣзали христіанскихъ своихъ подданныхъ—грековъ и славянъ—и готовились при помощи своихъ нѣмецкихъ учителей къ реваншу. А реваншъ имъ былъ обѣщанъ соблазнительный, и врядъ ли мы ошибемся, предположивъ, что въ программу входило торжественное вступленіе въ Тифлисъ и присоединеніе къ Турціи Кавказа.

Тѣмъ не менѣе, когда разразилась война между Россіей и Германіей, инстинктъ самосохраненія подсказалъ младотурецкимъ шовинистамъ нѣкоторую осторожность. Они рѣшили занять до поры до времени свою излюбленную позицію „псевдо-нейтралитета“ и въ ожиданіи рѣшительныхъ побѣдъ Германіи готовиться къ вступленію въ войну при наиболѣе выгодныхъ для себя обстоятельствахъ.

Къ такой осторожности побуждало ихъ, конечно, также ужасное состояніе турецкихъ финансовъ.

Еще въ январѣ 1914 г. одинъ *англійскій финансистъ*, очень свѣдущій въ турецкихъ дѣлахъ, констатировалъ наличность финансоваго кризиса, вызывающаго въ свою очередь кризисъ административный. Предполагаемый дефицитъ бюджета 1914 года этотъ финансистъ опредѣляетъ въ 12.000,000 тур. фунтовъ. Правительство,—говоритъ онъ,—какъ въ худшія времена Абдуль-Хамида, старается спастись отъ банкротства осужденіемъ на голодовку своихъ офицеровъ и чиновниковъ, остающихся опять въ теченіе мѣсяцевъ безъ жалованья. До сихъ поръ Турціи, путемъ заключенія разорительныхъ займовъ и постоянного увеличенія налогового бремени, удавалось перебиваться со дня на день и уплачивать проценты по своимъ обязательствамъ. Теперь же,—заключаетъ англичанинъ,—повидимому, достигнутъ крайній предѣлъ и возможна полная остановка государственной машины.

Въ теченіе первой половины 1914 года министръ финансовъ Джавидъ-бей употребилъ всѣ старанія, чтобы убѣдить велшія державы заключить съ Турціей соглашенія, подобныя достигнутому уже съ Фран-

цией, которая позволили бы Портѣ повысить таможенные пошлины до 15% и ввести монополии. Достичь этого ему, однако, не удалось. Джавидь-бей заключил зато во Франціи заемъ, часть котораго Турція успѣла даже реализовать до войны.

Финансы турецкіе отъ этого, однако, мало поправились. Въ концѣ сентября 1914 года, т.-е. передъ самымъ началомъ кризиса, упомянутый уже англичанинъ, близко стоящій къ турецкимъ финансамъ, констатировалъ, что, несмотря на заемъ во Франціи, всѣ источники страны изсякли; земледѣліе въ полномъ упадкѣ; населеніе изнываетъ подъ налогами; доходы Dette Publique за августъ понизились на 350,000 лиръ, доходы таможенъ—на 300,000. Казна не можетъ обезпечить правильную работу органовъ администраціи...

При такомъ состояніи государственной казны искренность желанія большинства турокъ остаться на нѣкоторое время въ сторонѣ отъ мірового конфликта не возбуждала сомнѣній.

Однако турокъ предполагаетъ, а нѣмецъ располагаетъ.

Какъ извѣстно, Порта, послѣ торжественныхъ заявленій о своемъ нейтралитетѣ, стала его самымъ циничнымъ образомъ нарушать въ пользу Германіи. „Гебенъ“ и „Бреслау“, впущенные въ Дарданеллы, не только не были разоружены, но введены въ составъ турецкаго флота, причемъ, несмотря на „честное слово“ морского министра русскому послу, германскій экипажъ не былъ удаленъ, а, наоборотъ, пополненъ матросами изъ Германіи. Порта увѣряла, что *кутила* эти суда, на что, впрочемъ, по дѣйствующимъ международнымъ началамъ, во время войны не имѣла никакого права; но даже это завѣреніе оказалось ложью: не кто иной, какъ германскій статсъ-секретарь Яговъ заявилъ греческому посланнику въ Берлинѣ, что продажа, въ дѣйствительности, никогда не состоялась.—Со времени появленія въ Дарданеллахъ „Гебена“ и „Бреслау“ „нейтральныя“ турецкія территоріальныя воды съ каждымъ днемъ все болѣе превращались въ базу для военно-морскихъ германскихъ операцій. Уже въ день своего появленія нѣмецкія суда подвергли осмотру французскія и англійскія суда, стоявшія въ Дарданеллахъ. Затѣмъ „Бреслау“ ходилъ въ румынскіе и болгарскіе порты и приводилъ оттуда, подъ *оттоманскимъ* флагомъ, застрявшія германскія торговыя суда, которыя, по прибытіи въ Босфоръ, поднимали опять флагъ *германскій*. Посреди Босфора, у Бейкоса, стояло германское торговое судно „Корковадо“, снабженное радіотелеграфомъ и служившее посредникомъ между германскимъ адмираломъ Сюшономъ и Берлиномъ; мало того, при германскомъ посольствѣ было образовано особое управление „Etappen-Kommando“, которое тутъ же, въ нейтральномъ Босфорѣ, реквизиовало въ пользу германскаго правительства оказавшіеся на нѣ-

мецких пароходахъ русскіе, французскіе и англійскіе грузы, въ чемъ и выдавало расписки.

Въ то же время изъ Германіи и Австріи, черезъ каналы нейтральныхъ и дружественныхъ намъ странъ *Румыніи* и *Болгаріи*, въ Константинополь шель непрерывный токъ личныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ враговъ—прибывали германскіе офицеры и солдаты, орудія, мины, снаряды и припасы. Скоро весь Константинополь оказался фактически въ рукахъ нѣмецкихъ офицеровъ. Германская команда зазвучала на босфорскихъ и дарданельскихъ укрѣпленіяхъ, и вся армія и весь флотъ Оттоманской имперіи подчинились германской указкѣ. Словомъ, то, что Германіи не удалось въ *Бельгії*, удалось ей въ *Турціи*: она захватила *безъ сопротивленія* часть нейтральнаго государства, вмѣстѣ съ его столицей.

Исторія засвидѣтельствуетъ, что *державы тройственнаго согласія*, несмотря на такое вызывающее поведеніе Турціи, *дѣлали все отъ нихъ зависящее*, чтобы удержать ее отъ рокового шага объявленія войны; и это, несмотря на то, что совершенно обнаглѣвшіе подъ влияніемъ своихъ нѣмецкихъ союзниковъ турки стали подвергать всяческимъ насиліямъ подданныхъ Россіи, Франціи и Англии, реквизиовать ихъ имущество на военныя нужды, а иногда и заключать ихъ безъ всякаго повода въ тюрьму. Съ одной стороны, противъ всѣхъ нарушеній нейтралитета посольства согласія выступали съ болѣе или менѣе рѣзкими протестами и предупрежденіями турокъ, что они рискуютъ своимъ существованіемъ. Съ другой стороны, державы согласія пошли навстрѣчу желанію, выраженному болѣе умѣренными членами кабинета, и выразили согласіе на отмѣну экономическихъ капитуляцій, а также юридическихъ, при условіяхъ введенія болѣе современной судебной организаціи и соблюденія Турціей въ будущемъ дѣйствительнаго нейтралитета, который выразился бы прежде всего въ удаленіи нѣмецкихъ экипажей „Гибена“ и „Бреслау“. Державы согласія обязывались даже дать *письменную гарантію неприкосновенности и независимости Турціи* ¹⁾.

Въ турецкомъ кабинетѣ восторжествовало, однако, крайнее теченіе, и нотою 27 августа Порты извѣстила посольства объ односторонней отмѣнѣ ею капитуляцій, какъ юридическихъ, такъ и экономическихъ. Эта нота вызвала протестъ всѣхъ посольствъ, даже германскаго и австрійскаго; впрочемъ, участвуя въ протестахъ, эти послѣднія руководились, конечно, лишь цѣлью усыпить подозрѣніе, что незаконная мѣра Порты внушена ими; въ слѣдующемъ протестѣ они уже не

¹⁾ Подробности объ этихъ переговорахъ можно найти въ русской „Оранжевой“ и англійской „Синей“ книгахъ, касающихся періода, предшествовавшаго войнѣ съ Турціей.

участвовали. Войдя во вкусъ, Порта закрыла затѣмъ иностранныя почты и международный санитарный совѣтъ. Тѣмъ не менѣе державы согласія продолжали свою миролюбивую политику; когда Порта поняла, что одностороннимъ своимъ актомъ не достигнетъ своей цѣли, и предложила державамъ согласія начать переговоры,—послѣднія отъ нихъ не отказались и продолжали ихъ вплоть до самаго разрыва.

Такое поведеніе державъ тройственнаго согласія диктовалось имъ, конечно, не столько желаніемъ спасти Турцію отъ гибели, сколько стремленіемъ не имѣть лишняго, хотя и не особенно страшнаго, противника. Во всякомъ случаѣ, турецкіе временщики совершили тяжкое преступленіе противъ своей родины, когда отказались отъ предложенной имъ тройственнымъ согласіемъ гарантіи цѣлости и независимости Турціи. Я не могу не привести здѣсь ядовитыхъ словъ англійскаго посла сэра Люиса Маллета, сказанныхъ по этому поводу *Талаату-бею*: „Я слышалъ, что турецкое правительство не придаетъ значенія письменной деклараціи, которую я, мой французскій и русскій коллеги сдѣлали ему относительно его неприкосновенности. Я былъ очень удивленъ этимъ поведеніемъ, но лично почувствовалъ нѣкоторое облегченіе; ибо гарантія неприкосновенности и независимости Турціи равносильна ручательству за жизнь человѣка, рѣшившаго покончить съ собою“¹⁾.

Но кому же принадлежала въ это время *власть* въ столицѣ Оттоманской имперіи?

Не *султану*, конечно, этому одряхлѣвшему въ 33-лѣтнемъ заточеніи, добродушному и безвольному старцу. Не *парламенту*, въ это время не засѣдавшему, да и вообще потерявшему всякое значеніе. Не главѣ правительства, великому везиру *принцу Саиду Халиму-пашѣ*. Вся роль этого пустого, тщеславнаго и слабаго человѣка сводилась къ дачѣ посламъ тройственнаго согласія, можетъ быть, и искреннихъ обѣщаній миролюбиваго характера, которыя нарушались затѣмъ *Энверомъ* и нѣмцами. Роль поистинѣ трагическая. Въ англійской синей книгѣ можно прочесть, какія горькія истины почтенному египетскому принцу приходилось выслушивать отъ пословъ согласія и, въ частности, отъ сэра Люиса Маллета, неоднократно доказывавшаго ему, что Константинополь и окрестности превратились въ германскій военный лагерь, и что онъ, Саидъ Халимъ, не оказываетъ никакого вліянія на ходъ событій. Тѣ же сцены происходили между великимъ везиремъ и другими послами согласія. Бѣдный принцъ багровѣлъ, сердился, грозно заявлялъ, что настоящимъ хозяиномъ Турціи является онъ, и что онъ не допуститъ войны, но этимъ все и ограничивалось. Я думаю, что Саиду Халиму, дѣйствительно не желавшему войны съ нами, нельзя даже приписать заслуги ея задержанія. Онъ слишкомъ дорожилъ своимъ поло-

¹⁾ *Blue Book, Events leading to the rupture of relations with Turkey (1914), № 64.*

женіемъ, чтобы рѣзко выступить противъ партіи войны. А по объявленіи ея онъ остался даже у дѣлъ, въ противность министру финансовъ *Джавиду-бею*.

Власть не находилась также въ рукахъ комитета „Единенія и прогресса“, по крайней мѣрѣ, со дня мобилизаціи. Да и ранѣе еще, судя по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, главари партіи — *Энверъ, Талаатъ, Джемаль, Халиль* не всегда считали нужнымъ посвящать Комитетъ во всѣ тайны своей политики. *Олмархія* нѣсколькихъ сотъ комитетскихъ дѣятелей въ столицѣ и провинціи смѣнялась мало-по-малу *олмархійскими* нѣсколькихъ лицъ. Военный министр и генералиссимусъ *Энверъ-паша*, министр внутреннихъ дѣлъ *Талаатъ-бей*, морской министр *Джемаль-паша*, предсѣдатель палаты депутатовъ *Халиль-бей*, министр финансовъ *Джавидъ-бей* — вотъ главные турецкія дѣйствующія лица трагедіи Оттоманской имперіи. Посланнику въ Софіи *Фехти-бею*, послу въ Берлинѣ *Махмуду-Мухтару-пашу*, генеральному секретарю „Единенія и прогресса“ *Мидхадю-Шукри* исторія отведеть только второстепенныя мѣста, какъ и гремѣвшимъ ранѣе комитетскимъ дѣятелямъ, доктору *Назиму, Хуссейму Джахиду, Эюбу Сабри*.

Изъ упомянутыхъ мною *пяти лицъ* министр финансовъ *Джавидъ-бей* одинъ обладалъ, быть можетъ, нѣкоторыми качествами государственнаго человѣка и могъ сознавать, какимъ ужаснымъ опасностямъ подвергаетъ его отечество война съ тройственнымъ согласіемъ. Подписавъ еще недавно въ Парижѣ финансовое и желѣзнодорожное соглашеніе съ Франціей, выгодное для обѣихъ сторонъ, *Джавидъ-бей* не могъ шептать войны съ Республикой, безъ финансоваго содѣйствія которой Турціи грозило неминуемое банкротство. Мнѣ хотѣлось бы также вѣрить, что изъ сердца министра финансовъ не изгладилось воспоминаніе о той апрѣльской ночи 1909 года, когда члены російскаго посольства въ Царьградѣ спасли ему жизнь, проведя его съ личной для себя опасностью черезъ караулы возставшихъ противъ младотурокъ солдатъ на посольскую яхту „Колхида“, стоящую въ Босфорѣ. Какъ бы то ни было, *Джавидъ-бей* казался самымъ убѣжденнымъ представителемъ того умѣреннаго теченія, которое хотѣло использовать моментъ исключительно для сверженія капитуляціоннаго ига. Но политическое вліяніе *Джавида* было въ это время невелико. Правда, его связывала дружба съ *Талаатомъ*. Но *Энверъ, Джемаль* и *Халиль* его недолюбливали, а нѣмцы дѣлали все, чтобы его дискредитировать, какъ франкофила. Во всякомъ случаѣ, старанія, приложенныя *Джавидомъ*, по его словамъ, къ сохраненію мира, не увѣнчались успѣхомъ; въ пользу же искренности министра финансовъ нужно привести то обстоятельство, что послѣ разсѣянія турецко-германскаго флота на наше побережье, онъ немедленно подалъ въ отставку.

Что касается председателя палаты депутатов *Халиля-бея*, то онъ сыгралъ въ разсматриваемъ кризисѣ болѣе чѣмъ подозрительную роль. Въ качествѣ бывшаго адвоката въ Смирнѣ, прослушавшаго нѣсколько юридическихъ лекцій во Франціи, Халиль-бей безъ труда стяжалъ себѣ среди младотурокъ славу выдающагося юриста. Поэтому, на него и была возложена миссія вести съ посольствами переговоры объ условіяхъ, на которыхъ державы согласились бы признать отмѣну капитуляцій. Обѣщавъ посольствамъ, что онъ выработаетъ такой *статутъ иностранцевъ*, который вполне обезпечивалъ бы ихъ положеніе, и что до его выработки законъ объ отмѣнѣ юридическихъ капитуляцій не будетъ примѣняться, Халиль не сдержалъ ни того, ни другого обѣщанія. Судебныя капитуляціи были фактически отмѣнены, а представленный Халилемъ проектъ *статута иностранцевъ* только подтверждалъ полное ихъ подчиненіе турецкимъ законамъ, оставляя за ними лишь нѣкоторыя привилегіи въ области брачнаго, семейнаго и наследственнаго права. Можно поэтому думать, что миссія Халиля заключалась просто въ затягиваніи переговоровъ, во время которыхъ турки производили ликвидацію капитуляціоннаго режима. Во всякомъ случаѣ, по очень хорошимъ свѣдѣніямъ, Халиль-бей въ послѣдніе дни кризиса былъ безусловно *за* войну съ тройственнымъ согласіемъ и, повидимому, участвовалъ въ совѣщаніяхъ у барона Вепгенгейма. Председатель палаты, въ противоположность Джавиду, рѣшилъ, очевидно, плыть по германскому теченію и, должно быть, при переговорахъ съ нѣмцами, служилъ юридическимъ совѣтникомъ тремъ главнымъ турецкимъ временщикамъ— *Энверу, Талаату и Джемалу*.

Изъ этихъ послѣднихъ *морской министръ Джемаль-паша*, пѣхотный генералъ, бывший багдадскимъ валемъ при Абдуль-Хамидѣ, совершенно не принадлежалъ къ плеядѣ младотурокъ формаціи Талаата и Энвера. Во время балканской войны Джемаль-паша выдѣлился своей храбростью. Будучи затѣмъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Константинополя, онъ обнаружилъ, какъ я уже указывалъ, большія дарованія въ области сыска, а послѣ убійства Махмуда Шевкета-паши ввелъ режимъ террора, сдѣлавшій почти невозможными всякія дальнѣйшія покушенія противъ младотурецкаго режима. Добившись, наконецъ, портфеля морского министра, Джемаль-паша попытался занять независимую позицію и по отношенію къ Энверу, и по отношенію къ Талаату.

Роль Джемаль-паши во время кризиса объясняется исключительно оппортунистическими побужденіями. Уже изъ-за оппозиціи Энверу Джемаль-паша задолго до войны подчеркивалъ свое франкофильство, внѣшнія проявленія котораго усилились послѣ блестящаго приѣма, оказаннаго ему во время его путешествія во Франціи. Въ началѣ кризиса Джемаль, покуда это было возможно, старался поддержать въ послахъ

согласія иллюзію, что онъ на ихъ сторонѣ. Можетъ быть, онъ и былъ искрененъ, когда давалъ свои обѣщанія и даже честное слово, что нѣмцы будутъ удалены съ „Гебена“ и „Бреслау“. Но, увидавъ свое безсиліе побороть германофильское теченіе, Джемаль-паша очень быстро перешелъ на сторону нѣмцевъ, отложивъ борьбу съ Энверомъ до болѣе удобнаго момента. При этомъ онъ обнаружилъ еще новый, очень недюжинный талантъ *комедіанта*. Вечеромъ 16 октября онъ игралъ въ Константинопольскомъ клубѣ въ карты, когда ему сообщили о нападени турецкаго флота на Одессу. Морской министръ выказалъ необычайное изумленіе и волненіе, которому повѣрилъ весь городъ. А между тѣмъ онъ *участвовалъ* въ знаменитомъ совѣщаніи 28 сентября у барона Вангенгейма, на которомъ Турція обязалась къ немедленному выступленію.

Министра внутреннихъ дѣлъ *Талаата-бея* нужно, конечно, признать *самой* крупной фигурой младотурецкой эпохи. Талаату, а не Энверу по праву принадлежитъ титулъ „героя свободы“, конечно, младотурецкой. Обладая весьма скуднымъ образованіемъ и занимая постъ мелкаго чиновника телеграфнаго вѣдомства въ Салоникахъ, *Талаатъ*, благодаря живому природному уму и совершенно исключительной энергіи, сумѣлъ, за послѣдніе годы царствованія Абдуль-Хамида, сдѣлаться душою революціоннаго движенія въ Македоніи. И впоследствии господство младотурецкой партіи надъ страной поддерживалось въ значительной степени организаторскими способностями и желѣзною рукою Талаата. Это чистѣйшій типъ карбонарія, и на министерскомъ посту продолжающаго раздѣлять идеологію атамановъ бандъ въ вопросахъ быстрого и радикальнаго устраненія политическихъ противниковъ. Не такъ еще давно, на просьбу освободить арестованнаго политическаго врага министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ съ очаровательной улыбкой: „Restituer—non, tuer—oui!“

Какъ почти всѣ его товарищи, Талаатъ очень скоро изъ либерала, мечтающаго о равноправіи всѣхъ оттоманскихъ народностей, превратился въ турецкаго якобинца. Въ этомъ его большая вина передъ *Оттоманской имперіей*. Но свой *турецкій* народъ Талаатъ любилъ, и его *внѣшнюю* политику я не рѣшаюсь объяснять корыстными или иными личными побужденіями.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ младотурецкаго режима Талаатъ полагалъ, что интересы Турціи требуютъ сближенія съ тройственнымъ союгомъ. Когда Турція сочла нужнымъ взять рѣзко націоналистическій курсъ и такое сближеніе оказалось уже невозможнымъ, Талаатъ долженъ былъ опереться на нѣмцевъ. Все же, на мой скромный взглядъ, онъ никогда не былъ сторонникомъ формальнаго *союза* съ Германіей, а стоялъ за политику свободныхъ рукъ. Во время же послѣдняго кризиса онъ былъ, повидимому, единомышленникомъ Джавида и желалъ дер-

жаться до поры, до времени выжидательного нейтралитета, извлекая изъ него всевозможныя выгоды, какъ-то отмѣну юридическихъ и экономическихъ капитуляцій.

И тѣмъ не менѣе, Талаатъ, несомнѣнно, присутствовалъ на историческомъ засѣданіи у барона *Ванштейма*, рѣшившаго участь Турціи. Я думаю, что онъ далъ свое согласіе на войну съ Россіей, скрѣпя сердце и съ дурными предчувствіями. Правда, Талаатъ—большой шовинистъ, панисламистъ и жаждетъ реванша за балканскую войну; но онъ изъ тѣхъ турокъ, которые чувствуютъ мощь Россіи. Онъ бы предпочелъ напасть на нее лишь въ случаѣ ея пораженія Германіей. Помѣшать преждевременной войнѣ онъ, однако не могъ. Со дня мобилизаци вся власть фактически перешла къ генералиссимусу Энверу, и гражданскій диктаторъ, не желая уходить съ арены, склонилъ временно главу передъ военнымъ.

Я перехожу теперь къ самому роковому для Турціи члену невольню создавашагося триумвирата—*Энверу*.

Въ 1908 году никому неизвѣстный 26-лѣтній поручикъ, какъ и большинство его товарищей по македонской арміи, принадлежалъ къ младотурецкой революціонной организаціи. Счастливый случай помогъ ему выдвинуться. Въ качествѣ адъютанта генеральнаго инспектора Хуссейна Хильми-паши онъ узналъ о раскрытіи заговора и потому, не теряя времени, ушелъ съ горстью солдатъ въ горы, первый поднялъ знамя возстанія и начерталъ на немъ свое имя. Трудно сказать, до какой высоты вынесли бы молодого Энвера-бея волны народнаго энтузіазма, если бы онъ въ то время вступилъ въ Константинополь. Но самъ ли онъ былъ тогда еще слишкомъ скромнень, или комитетъ „Единенія и прогресса“ воспротивился этому, но Энверъ не получилъ триумфа въ Новомъ Римѣ. Въмѣсто этого, онъ отправился въ Берлинъ въ качествѣ военнаго агента, очень кстати для кесаря Вильгельма, который, конечно, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы обворожить молодого турецкаго офицера, возставшаго противъ своего государя, стараго Вильгельмова друга—султана Абдула-Хамида. Впрочемъ, на этотъ разъ въ Германіи Энверу пришлось остаться недолго. При первой вѣсти о реакціонномъ переворотѣ 31 марта 1909 года онъ бросился въ Салоники, вмѣстѣ съ арміею Махмуда-Шефкета-паши вступилъ 13 апрѣля въ Константинополь, отличился при взятіи казармъ, занятыхъ мятежными солдатами, и такимъ образомъ оказалъ дѣлу свободы нѣсколько болѣе существенныя услуги, чѣмъ въ 1908 году. Нужно думать, что въ эти бурные стамбульскіе дни въ головѣ Энвера и зародилась *наполеоновская мечта*. Развѣ не онъ спасъ конвентъ, т.-е. комитетъ? Но младотурки не вполне раздѣляли этотъ взглядъ; Махмудъ-Шефкетъ на время затмилъ молодого честолюбца, и 13 апрѣля 1909 года не имѣло для Энвера

тѣхъ послѣдствій, которыя 13 Vendémiaire 1795 года имѣло для Бонапарта; „герой свободы“ послѣ низложенія султана Абдула-Хамида вернулся въ Берлинъ военнымъ агентомъ при „священной“ особѣ германскаго императора.

Итальянская война открыла кандидату въ турецкіе Наполеоны новыя перспективы. Конечно, защита Триполиса не покрыла Энвера неуваждаемою славою, увѣнчавшею Наполеона въ Египтѣ. Все же нельзя отрицать, что Энверъ былъ душою этой защиты, окружившей его имя ореоломъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Когда началась война съ балканскою коалиціею, Энверъ, слѣдуя все тому же знаменитому образцу, посѣшилъ на родину. Можно даже провести аналогію между переворотомъ 19 брюмера 1799 года, устранившимъ Директорію, и переворотомъ 10 января 1913 года, кончившимся паденіемъ кабинета Кямила-паши,—хотя переворотъ 19 брюмера и прошелъ безъ убійства военнаго министра своимъ подчиненнымъ. Но на этомъ аналогія останавливается. За *турецкимъ* переворотомъ не послѣдовало битвы при Маренго, а только безкровное занятіе Адрианополя, оставленнаго болгарами. Однако, и на этотъ разъ судьба наградила Энвера превыше заслугъ. Турецкая армія и народъ нуждались хотя бы въ призракѣ побѣды и охотно приписали занятіе Адрианополя доблести и генію національнаго героя—Энвера-бея. И уже въ декабрѣ того же 1913 года 32-лѣтній Энверъ-паша былъ назначенъ военнымъ министромъ Турецкой имперіи.

Изъ этой краткой біографіи Энвера легко убѣдиться въ томъ, что наполеоновскаго въ немъ мало. Это просто счастливый авантюристъ, храбрый, жестокій по-пруски, безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, безъ малѣйшихъ проблесковъ генія. Но для исторіи турецкаго кризиса очень важно, что Энверъ, несомнѣнно, считалъ себя лѣтомъ 1914 года, по крайней мѣрѣ, *первымъ консуломъ*. Слабый, дряхлый султанъ въ счетъ, конечно, не шель; къ тому же Энверъ породнился съ нимъ, женившись на принцессѣ императорскаго дома.

Въ моментъ турецкой мобилизаціи Энверъ-паша былъ несомнѣнно *фактическимъ властелиномъ Турціи*. Послѣ террора, введеннаго Джемалемъ, враги младотурокъ или исчезли, или притаились. Онъ могъ поэтому мечтать объ осуществленіи самыхъ честолюбивыхъ своихъ замысловъ, а разразившаяся европейская война должна была казаться ему самымъ подходящимъ для этого случаемъ. Проникшись духомъ германскаго милитаризма, Энверъ слѣпо вѣрилъ въ побѣду Германіи и въ возможность осуществить съ ея помощью всѣ мечты пантюркизма и панисламизма. Поэтому онъ явился самымъ горячимъ пособникомъ барона *Вангенейма* въ дѣлѣ вовлеченія Турціи въ войну съ тройственнымъ согласіемъ.

Со своей стороны, нѣмцы хотя и вполне полагались на преданность

Энвера, все же приняли мѣры къ занятію въ Константинополь такого положенія, которое гарантировало бы ихъ отъ всякихъ, возможныхъ въ столь смутное время, случайностей. Нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ не могли, конечно, прочно обосновать нѣмецкое господство въ столицѣ Оттоманской имперіи; но присутствіе „Гебена“ и „Бреслау“ сразу измѣнило положеніе и сильно подвинуло „египтизацію“ Турціи: будучи сильнѣе всего турецкаго флота, эти суда могли въ два часа превратить Константинополь въ груды развалинъ. Германскій посолъ баронъ *Вантеймъ*, со свойственнымъ ему грубымъ цинизмомъ не замедлил подчеркнуть создавшееся положеніе. Не желая насъ раздражать, турецкій совѣтъ министровъ въ первыхъ числахъ сентября рѣшилъ не посылать флота въ Черное море. Это нисколько не помѣшало германскому послу чуть ли не ежедневно отправлять туда эти суда; великому же везиру онъ сообщилъ, „что германскія суда лишь до известной степени подчинены туркамъ и что они предназначены служить не только турецкимъ, но главнымъ образомъ германскимъ интересамъ“

Мнѣ остается теперь отвѣтить на вопросъ, почему *Талаатъ*, *Джемаль* или какой-либо патріотъ-офицеръ не организовали избіенія нѣмцевъ вродѣ *Сицилійской вечера* или *Варооломеевой ночи*? Не подлежить, конечно, сомнѣнію, что Талаатъ не остановился бы передъ устраненіемъ Энвера, если бы счелъ это нужнымъ для достиженія патріотической цѣли, какъ въ свое время онъ, по соглашенію съ Энверомъ, не задумался устранить военнаго министра Назима-пашу. Точно также Талаатъ или Джемаль не постѣснялись бы перебить забравшихся въ Константинополь нѣмцевъ, если бы того требовали обстоятельства. Но положеніе было таково, что движеніе противъ Энвера и Германии не встрѣтило бы единодушнаго сочувствія среди турецкаго офицерства, хорошо обработаннаго нѣмецкими офицерами и другими агентами и вводимаго ежедневно въ заблужденіе ложными извѣстіями о блестящихъ германскихъ побѣдахъ, усердно распространяемыми закуленной нѣмцами турецкой прессой. ¹⁾ Въ лучшемъ для заговорщиковъ случаѣ нападеніе

¹⁾ По свѣдѣніямъ нашего посольства турецкія газеты получали въ это время отъ Германии и Австріи субсидіи въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Названіе газетъ.	Суммы, получаемыя отъ Германии, въ тур. фунтахъ.	Суммы, получаемыя отъ Австріи, въ тур. фунтахъ.
<i>Ихдамъ</i>	2,500	1,000
<i>Сабахъ</i>	2,000	1,000
<i>Таминъ</i>	2,000	1,000
<i>Тасфири Эфкаръ</i>	2,000	500
<i>Терджуманъ</i>	500	500

(См. русскую Оранжевую книгу, № 53).

на Энвера и нѣмецкихъ офицеровъ повело бы къ междуусобной войнѣ, исходъ которой былъ неизвѣстенъ, и первыми вѣроятными жертвами которой оказались бы и Талаатъ, и Джемаль. Поэтому странный триумvirатъ не распался, и на историческомъ засѣданіи 28 сентября 1914 года въ германскомъ посольствѣ всѣ трое отдали Турцію Германіи, двое, можетъ быть, безсознательно и съ заднею мыслью нарушить договоръ при первомъ удобномъ случаѣ, а Энверъ—вполнѣ сознательно и съ полной вѣрою въ гениальность своей политики. Такимъ образомъ, на такъ называемаго „героя свободы“ падаетъ самая тяжкая отвѣтственность за гибель его родины.

III.

Трагедія турецкаго народа.

Отъ всей исторіи молодой Турціи вѣтъ глубокимъ трагизмомъ. Поднявъ знамя борьбы противъ деспотизма Абдуль-Хамида, младотурки подчинили свою родину сначала якобинскому клубу—комитету партіи „Единенія и прогресса“, а въ концѣ-концовъ—тираніи Энвера. Задумавъ превратить Турцію изъ мусульманской теократіи въ правовое государство, они не сняли съ нея путь шеріата, ударились въ самый опасный панисламизмъ и не ввели хоть сколько-нибудь серьезныхъ реформъ въ судъ и управление. Написавъ на своемъ стягѣ „оттоманизмъ“, они довели до отчаянія иноплеменные народности, а нѣкоторые и до возстанія.

А между тѣмъ, въ первые мѣсяцы младотурецкой революціи можно было ожидать иного исхода. И, право, Европа, и въ частности Россія не должны сожалѣть о томъ, что онѣ дали младотуркамъ срокъ для доказательства своего права на самостоятельное существованіе. Такъ лучше. Исторія не скажетъ теперь, что турецкому народу за грѣхи его султановъ не была дана возможность доказать міру свою жизнеспособность.

Да, въ первые дни и мѣсяцы младотурецкіе порывы были прекрасны. Нельзя было сомнѣваться въ горячемъ патриотизмѣ молодыхъ турецкихъ офицеровъ, нельзя было не вѣрить въ искренность младотурецкихъ вождей. Историкъ это признаетъ. Но онъ долженъ будетъ также признать, что этотъ расцвѣтъ турецкой общественной жизни продолжался очень недолго—всего нѣсколько мѣсяцевъ—и закончился послѣ пораженія реакціи въ апрѣлѣ 1909 г. Произошло очень любопытное явленіе. Младотурки сокрушили реакцію и Абдуль-Хамида, но, вмѣсто того чтобы использовать побѣду въ духѣ права и правды, постепенно измѣнили всѣмъ своимъ идеаламъ.

Мнѣ кажется, что всѣ сложныя причины этой прискорбной эволю-

ции младотурокъ могутъ быть сведены къ одной главной: младотурки не выдвинули ни одной дѣйствительно крупной, не говоря уже *великой*, фигуры, а между тѣмъ для спасенія Турціи нужны были гений и желѣзная воля Петра Великаго. Какъ только реакціонный переворотъ 31 марта 1909 года показалъ младотуркамъ, что между ними и народомъ лежитъ пропасть, они оставили всякую мысль о борьбѣ съ темными силами своей страны. *И сдѣлались темными сами.*

Младотурки—почти сплошь необразованные въ европейскомъ смыслѣ люди. Но всѣ они, хотя и поверхностно, знакомы съ ходомъ французской революціи, преимущественно по Луи Блану, и очень любятъ сравненія съ ея дѣятелями. И дѣйствительно, нужно признать чисто *робеспьеровскую* готовность *Талаата* пожертвовать во имя общественнаго блага жизнью любого изъ согражданъ. Можно, пожалуй, отыскать въ *Джавидѣ* нѣкоторыя черты *Неккера*; можно сказать, что калѣмъ *Хуссейна Джахида* иногда удачно подражалъ перу *Камилла Демулэна*, и допустить, что въ области сыска *Фуше* могъ бы поучиться у *Джемаля*. Но все же этого было недостаточно для преобразования *Турецкой имперіи*. Борьба съ ужаснымъ невѣжествомъ и съ религіознымъ фанатизмомъ турецкаго народа была не подъ силу среднимъ людямъ, возомнившимъ себя героями великой французской революціи и оказавшимся только *Баррасами*. Лучшихъ изъ нихъ испортило первое прикосновеніе къ власти, за ними жадно къ ней потянулись другіе, и борьба за идеалы слишкомъ скоро превратилась въ борьбу за личные интересы, приведя въ конечномъ итогѣ къ анархіи, диктатурѣ счастливаго авантюриста и подпаденію иноземному игу. Тѣ самые младотурецкіе офицеры, которые подняли въ 1908 году возстаніе во имя освобожденія Турціи отъ европейскаго вмѣшательства, сегодня—нростыя пѣшки въ рукахъ германскаго генеральнаго штаба.

Трагедія турецкаго народа заключается въ томъ, что со дня своего появленія на всемирной аренѣ онъ не сдѣлалъ *ничего* для оправданія своего существованія съ точки зрѣнія культуры. Въ жизнь другихъ народовъ онъ входилъ только потоками крови и слезъ. Онъ несъ имъ порабощеніе иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, порабощеніе женщины, порабощеніе мысли,—рабство, одно только *рабство*. И, получивъ господство надъ старинными культурными расами—арабами и армянами, надъ полными свѣтлыхъ жизненныхъ силъ славянскими народами, завладѣвъ дивнымъ градомъ, достойнымъ стать столицей міра, турецкій народъ застылъ. Со всѣхъ сторонъ затянула его паутина мусульманской схоластики, и ни въ одной области человѣческаго духа онъ не проявилъ проблесковъ живого творчества. Принявъ вѣру отъ совершенно чуждыхъ ему по племени арабовъ, онъ не сумѣлъ создать національную мусульманскую церковь. Бѣдный турецкій языкъ отказывается служить абстракт-

ному мышлению и черпаетъ изъ океана арабской словесности почти весь свой запасъ отвлеченныхъ понятій. Но и облекшись въ роскошное одѣяніе арабской мысли, украсившись драгоценными камнями, похищенными пзъ сокровищницы персидской поэзіи, турецкій народъ все же не родилъ ни одной великой новой идеи. Не услыхалъ отъ него міръ новыхъ звуковъ и пѣсенъ, не узрѣлъ новыхъ формъ или образовъ. Не завѣщалъ турецкій народъ потомству ни одного имени поэта, художника, ваятеля, музыканта, ученаго, которое съ восторгомъ и любовью повторяло бы человѣчество. Это—*народъ-пустоцвѣтъ*. Историческая миссія его была исключительно разрушительная, а для разрушенія—души не требуется. Но для созданія національныхъ устоевъ жизни душа *нужна*, а ея-то у Турціи не оказалось. И тщетно старались одно время вложить въ нее эту душу младотурки. Они сами оказались плотью отъ мертвой плоти.

И теперь этой безжизненной, инертной массой распоряжается Германія. Она, конечно, не хочетъ вдохнуть новую жизнь въ Турецкую имперію. Ей нужно только гальванизировать ее на время войны. А потому Германія обращается ко всѣмъ атавистическимъ инстинктамъ ту-рокъ и, между прочимъ, старается разжечь ихъ воображеніе старымъ призракомъ священной войны. И вотъ эта-то возмутительная игра Германи съ исламомъ и подчиненіе этой игрѣ Турціи мнѣ кажутся какъ нельзя болѣе характерными и для первой, и для послѣдней. Я позволяю себѣ поэтому нѣсколько на ней остановиться.

Итакъ, противъ насъ ведется священная война—*джихадъ*, противъ насъ, „неверныхъ“ русскихъ, французовъ, англичанъ, какъ враговъ ислама; но какъ себѣ объяснить, что война эта ведется въ союзѣ со столь же „невернымъ“ гяуромъ, германскимъ императоромъ, и подъ руководствомъ его генераловъ? Неужели согласно съ кораномъ и шеріатомъ такое братство по оружію правверныхъ сыновъ пророка съ неверными?

Отвѣта на этотъ вопросъ я сталъ искать прежде всего въ *воззваніи*, еще за мѣсяцъ до войны съ нами распространявшемся въ Константинополь отъ имени панисламистскихъ организацій. Чтеніе этого воззванія, однако, только усилило мои сомнѣнія. Въ немъ доказывается, что священная война обязательна, потому что *мусульмане* всѣхъ странъ братья и должны приходить на помощь другъ другу. Если какой-нибудь мусульманскій народъ преслѣдуется и угнетается другимъ, невернымъ народомъ, мусульмане всѣхъ странъ должны стараться освободить его. „Если въ особенности Халифъ, намѣстникъ нашего Пророка Мухаммеда (да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха), и мусульмане, живущіе въ мѣстопробываніи Халифата, угнетаются жестокими неверными,—священная война становится обязательной для *всѣхъ* вообще вѣрующихъ“. Воззваніе указываетъ затѣмъ на преслѣдованія, которымъ му-

сульмане подвергаются въ Индіи, Россіи, Персіи, Египтѣ, Алжирѣ, Тунисѣ, Марокко, и добавляетъ, что „сама столица Халифата, подъ разными предлогами, подвергается часто опасности со стороны невѣрныхъ“. Невѣрные враги, желающіе погасить огонь ислама, названы по имени: это *анличане, французы и русскіе*.

Такимъ образомъ, воззваніе явно направлено *противъ тройственнаго согласія*. Но тутъ же приводятся слѣдующіе стихи изъ корана: „О вѣрующіе! Не ищите поддержки у людей, принявшихъ Писаніе... Не дружите съ христіанами... Тотъ, кто ихъ изберетъ друзьями, будетъ походить на нихъ, а Аллахъ не будетъ путеводителемъ совратившихся“... Изъ этихъ стиховъ съ очевидностью слѣдуетъ, что поддержки въ священной войнѣ у нѣмцевъ, какъ христіанъ, искать *не слѣдуетъ*; наоборотъ, чтеніе того же воззванія скорѣе наводитъ на мысль, что мусульмане всего міра исполнили бы священный долгъ, если бы выгнали нѣмцевъ изъ столицы халифата.

Какъ же объяснить себѣ противорѣчивый характеръ воззванія? Какъ могли нѣмцы, подъ очевиднымъ внушеніемъ коихъ оно составлено, допустить такую опасную для нихъ редакцію? *Неужели они все уже приняли исламъ и потому стихи корана къ нимъ не примѣнимы?*

Какъ это предположеніе ни кажется, на первый взглядъ, чудовищнымъ, все же нельзя найти другого объясненія указанному противорѣчію. Къ тому же все учащаются вѣсти изъ Турціи о томъ, что нѣмцы внушаютъ мусульманамъ имперіи, что ихъ императоръ *Хаджи-Мухаммедъ-Вильгельмъ* самъ уже сталъ добрымъ мусульманиномъ. Наконецъ, не приходится особенно удивляться тому, что люди, считающіе совмѣстимымъ съ *честью* состоять одновременно въ двухъ подданствахъ, считаютъ столь же совмѣстимымъ съ *совѣстью* служить разомъ двумъ богамъ. У себя на родинѣ нѣмецкіе генералы, офицеры и солдаты, разумѣется, продолжаютъ считаться протестантами или католиками.

Но, съ другой стороны, нельзя допустить, чтобы такое кощунственное отношеніе къ вѣрѣ пришло бы по сердцу всѣмъ мусульманамъ. Поэтому представляется интереснымъ уяснить себѣ отношеніе къ нынѣшней „священной войнѣ“ тѣхъ изъ нихъ, которые въ глубинѣ душъ своихъ не считаютъ фонъ-Сандерса, фонъ-деръ Гольца и барона Вангенгейма правовѣрными мусульманами.

Какъ извѣстно, исламъ основанъ не на одномъ *коранѣ*, а еще на *суннѣ* (преданіи), *иджма* (согласіи мусульманскаго общества) и *кіясѣ* (толкованіи священныхъ текстовъ учеными богословами). Послѣдній источникъ мусульманскаго священнаго права получилъ особенное развитіе; и, конечно, какъ правовѣрнымъ, такъ въ особенности намъ, невѣрнымъ гяурамъ, трудно уяснить себѣ смыслъ ислама, не прибѣгая къ авторитетамъ великихъ его учителей.

Итакъ, желая уяснить себѣ смыслъ происходящаго, смыслъ священной войны, объявляемой халифомъ Мухаммедъ-Решадомъ купно съ Вильгельмомъ, я раскрылъ трактатъ знаменитаго мусульманскаго государствовѣда *Маверди*, родившагося въ 364 году Хиджры въ Басрѣ и умершаго въ 450 году Х. (т.-е. въ 1058 году послѣ Рождества Христова) въ Багдадѣ, при Аббасидахъ. Трактатъ этотъ называется „Эль-Ахкамъ-эс-Султаніе“, т.-е. „Правила суверенной власти“. ¹⁾ И вотъ какія мѣста, удивительно подходящія къ переживаемому Турціей моменту, я нашелъ въ главѣ первой „о заключеніи договора Халифата“.

„Отсутствіе свободы дѣйствій (Халифа) вытекаетъ изъ двухъ состояній: запрещенія и насилія. Говорятъ, что имѣется налицо *запрещеніе*, когда Халифъ находится подъ влияніемъ кого-либо изъ его подчиненныхъ, который фактически присвоилъ себѣ осуществленіе власти, хотя внѣшнимъ образомъ и не проявляетъ ни непослушанія, ни несогласія. Такое положеніе вещей само по себѣ не препятствуетъ тому, чтобы порабощенный монархъ оставался Халифомъ, и не вляетъ на дѣйствительность его правомочій (валаля); нужно, однако, обращать вниманіе на характеръ дѣйствій *того, кто* господствуетъ надъ Халифомъ при осуществленіи власти, и *различать*. Если дѣйствія этого человѣка согласны съ предписаніями религіи и требованіями справедливости, то Халифу дозволено не препятствовать этому человѣку, дабы обезпечить окончаніе начатыхъ дѣлъ и исполненіе принятыхъ рѣшеній и избѣгать остановки въ дѣлахъ шеріата, могущей вызвать безпорядокъ, вредный для націи. Но если дѣйствія этого человѣка несогласны съ началами вѣры и справедливости, то Халифу не дозволяется терпѣть ихъ; онъ долженъ искать себѣ защитника, который связалъ бы руки узурпатору и положилъ бы предѣлъ злоупотребленію властью“. ²⁾

Это мѣсто Маверди можно только рекомендовать вниманію Энвер-паши. Оно написано какъ бы прямо для него. Маверди продолжаетъ: „Когда послѣ заключенія договора Халифата происходитъ *насиліе*, то весь народъ долженъ способствовать освобожденію халифа, вслѣдствіе обязанности помощи, которая лежитъ на немъ въ силу этого договора. *Халифъ-плѣнникъ* остается держателемъ Халифата, пока есть надежда на его освобожденіе, пока рассчитываютъ спасти его изъ плѣна путемъ борьбы или посредствомъ выкупа. Если же надежда на освобожденіе потеряна, то слѣдуетъ различать, въ зависимости отъ того, въ плѣну ли Халифъ у мусульманъ-схизматиковъ или у невѣрныхъ“.

¹⁾ Ср. французскій переводъ и комментаріи графа *Остророга*. (El-Ahkam Es-Sultaniya, Traité de Droit Public Musulman d'El-Mawerdi, traduit et annoté par le Comte Léon Ostrorog, Paris, 1901).

²⁾ См. *Mawerdi—Ostrorog*, l. c., p. 187—188.

„Когда Халифъ въ плѣну у невѣрныхъ, онъ лишается своихъ правъ на Халифатъ, если потеряна надежда на его освобожденіе; а избиратели должны присягнуть другому Халифу...“¹⁾

Мнѣ кажется всетаки, что султанъ Мухаммедъ-Решадъ въ плѣну не у мусульманъ, а у невѣрныхъ. И поэтому, если не отрицать весьма большого авторитета Маверди, всѣ мусульмане должны были бы возстать какъ одинъ человекъ и освободить его отъ германцевъ. Если же мусульмане этого не дѣлаютъ, если они слишкомъ слабы для этого и надеждъ на спасеніе султана изъ рукъ Вангенгейма и Энвера у нихъ нѣтъ, то они должны избрать себѣ гдѣ-нибудь, ну хотя бы въ Багдадѣ, другого халифа. Во всякомъ случаѣ халифъ-плѣнникъ невѣрныхъ не можетъ призывать мусульманъ на священную войну съ врагами этихъ невѣрныхъ. Такой нелѣпый призывъ, очевидно, объясняется совершаемымъ надъ нимъ насиліемъ и для мусульманъ, конечно, не можетъ считаться обязательнымъ...

До великаго, несмываемого позора Германія довела Турцію. Она съ ней поступила хуже, чѣмъ съ Бельгійей. У Бельгійи она отняла территорию, но сіяетъ еще болѣе яркимъ свѣтомъ народъ бельгійскій и остался онъ державой, хотя и безземельной. Турцію Германія держитъ не одною физическою силою, не однимъ „Гебеномъ“ или Сандерсомъ. Она вполне подчинила ее своей современной позорной идеологіи, она укрѣпила въ ней культъ грубой силы, она льстила всѣмъ ея низменнымъ кровожаднымъ инстинктамъ, она влила въ кровь жестокихъ по-первобытному турокъ ядъ утонченнаго нѣмецкаго варварства и, наконецъ, она научила Турцію *играть своею религіею*. Нѣтъ, Германія не растлила Турцію; имперія оттомановъ была уже въ достаточной мѣрѣ развращена, когда она упала въ нѣмецкія объятія. Но Германія сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы ускорить процессъ турецкаго разложенія.

Не страшна Россіи эта „священная война“,—Россіи, которая ведетъ войну священную. Джехадъ Вильгельма—жалкая комедія, и Энверъ-паша уже испыталъ, какъ мало зеленое знамя вдохновляетъ его полчища въ бою съ русскими. Ничего, кромѣ лишняго позора, для Германіи изъ этой затѣи не выйдетъ. Но чего же стоитъ народъ, который переноситъ такое издѣвательство надъ своей вѣрою? И какой судьбы онъ достоинъ?

Я позволю себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ въ связи со своими личными воспоминаніями и впечатлѣніями. 16 лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ столицу Оттоманской имперіи, весь пропитанный великодушными идеями петроградской alma mater и благородными завѣтами Сор-

¹⁾ См. *Mawerdi—Ostorrog*, I. c., p. 189—190.

бонны. Мое международное *credo* вполне обнималось тогда чудными словами знаменитого *бельгийскаго* ученаго Лорана: „*Toutes les nations sont de Dieu*“—*все* нации отъ Бога. *Каждая* имѣетъ свою миссію въ этомъ мірѣ, каждая должна сказать свое слово грядущимъ поколѣніямъ. Я зналъ, конечно, что нации, какъ и люди, совершаютъ и ошибки, и преступленія. Но я примѣнялъ къ народамъ великія слова *Достоевскаго*, завѣщавшаго намъ карать преступника, не унижая личности человѣка. И грядущій судъ націй, въ моемъ представленіи, долженъ былъ *карать* виновные народы, но не унижать ихъ національнаго *лица*, не касаться ихъ божественной сущности.

Я ѣздилъ по полямъ и селамъ Македоніи во время турецкаго владычества, и все, что я тамъ видѣлъ, преисполнило мое сердце глубокой ненависти къ притѣснителямъ и убійцамъ славянъ. Но я видѣлъ также, что на-ряду съ христианами страдали отъ террора Абдула-Хамида и сами турки, и я склоненъ былъ ужасъ режима приписать, главнымъ образомъ, красному султану. А потому, когда младотурки сбросили однимъ смѣлымъ движеніемъ это позорное иго, когда восторженные турецкіе офицеры упали въ объятія болгарскихъ четниковъ, когда надъ всей Турціей пронесся кличъ любви и братства, я почувствовалъ большое облегченіе. Я повѣрилъ—не въ возрожденіе, а въ *рожденіе* турецкаго народнаго духа. Я подумалъ, что для освобожденія и счастья другихъ народовъ Оттоманской имперіи не нужно будетъ смерти народа турецкаго. Мнѣ казалось, что народъ этотъ вялъ, наконецъ, голосу цивилизованнаго міра, готоваго признать его своимъ равноправнымъ членомъ, *если* только онъ докажетъ, что можетъ жить самъ собою, своими силами, не питаясь кровью христіанскихъ народовъ.

Для тѣхъ, кто сдѣлали мнѣ честь прочесть эту статью, излишне говорить, что мои иллюзіи очень скоро исчезли. Не знаю, сказалъ ли бы Лоранъ, если бы онъ дожилъ до настоящаго дня, на дымящихся развалинахъ Бельгіи: „*L'Allemagne est de Dieu!*“? призналъ ли бы онъ божественную сущность *современной* Германіи?! Что же касается меня,—я рѣшаюсь говорить о себѣ, конечно, лишь потому, что моя эволюція можетъ представить нѣкоторый интересъ, какъ эволюція очевидца и гамидовскаго режима, и младотурецкой эпопеи,—то я измѣню теперь формулу Лорана въ слѣдующемъ смыслѣ: народы могутъ считаться „отъ Бога“, только пока они не потеряли облика Божьяго. Конечно, каждый, даже самый маленькій, народъ—будь то черемисскій, или вотяцкій—исполняетъ или исполнялъ какую-нибудь, намъ не всегда понятную, историческую миссію, и поэтому *необходимъ*. Но чувство исторической необходимости въ сердцахъ и людей, и народовъ сочетается съ чувствомъ ответственности за свои дѣянія. Народы не могутъ спокойно взирать на то, какъ одинъ изъ нихъ попираетъ всѣ Божескіе и

человѣческіе законы, какъ онъ опускается ниже того уровня, который установленъ данной эпохой какъ нравственный минимумъ. Такой народъ тогда уже *не* отъ Бога, и не можетъ быть терпимъ. *Отъ Бога—борьба* противъ него, *безпощадная борьба*, пока онъ не приметъ вновь облика Божьяго или пока не погибнетъ.

Турецкій народъ давно уже завершилъ свою разрушительную миссію. Исторія хотѣла, чтобы онъ положилъ конецъ разлагающейся Византіи, но она не допустила, чтобы мертвая турецкая хватка сдерживала порывы полныхъ жизни народовъ. Въ *последній* разъ за турецкимъ народомъ условно было признано *право на существованіе*. Нынѣ онъ потерялъ это право—и по винѣ Германіи, и по своей собственной. Турецкій народъ не услышалъ голоса жизни и далъ нѣмецкой рукѣ толкнуть себя въ бездну. Много разъ уже красный полумѣсяцъ поднимался надъ ареною всемірной исторіи. Теперь онъ опять идетъ на убыль. И всѣ мы надѣмся, всѣ мы вѣримъ, все въ насъ говоритъ, что въ Европѣ не будетъ болѣе турецкаго новолунія.

Андрей Манделъштамъ.

Двѣ отчизны въ поэзіи Боратынскаго.

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой-нибудь неправедный изгибъ
Сердце людскихъ предъ нами обнажившій.

Е. Боратынскій.

Если, размышляя о природѣ поэзіи, сосредоточиться на современной лирикѣ, она истомитъ повторяемостью однѣхъ и тѣхъ же темъ. Странничество, чувства невѣрныя, надломленныя, остающіяся неутолимыми при какомъ угодно стечении обстоятельствъ—вотъ ея темы, заставляющія признать, что процессъ поэтического міропостиженія сталъ чрезмѣрно труднымъ подвигомъ.

Истомленный современнымъ надломомъ безысходныхъ чувствъ, устремляешься къ прежнимъ временамъ, когда источники поэтическіе были прозрачны, мелодія и образы стиха вѣрны и отчетливы.

Подобный возвратъ души къ первоначальнымъ свѣтлымъ видѣніямъ описывается въ одномъ стихотвореніи Боратынскаго:

Счастливъ, счастливъ и тотъ, кому дано судьбою
Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною,
Увидѣть милую, священную страну,
Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну,
Провелъ невинное, безоблачное дѣтство.
О, край моихъ отцовъ! О, мирное наслѣдство!
Всегда присутственны вы въ памяти моей:
И въ берегахъ крутыхъ сверкающій ручей,
И свѣтлые дуга, и темныя дубравы,
И сельскихъ жителей привѣтливыя нравы.

Но насколько становится интенсивнѣе впечатлѣніе отъ этихъ строкъ, когда обнаруживается, что и для самого Боратынскаго родная кровля вслѣдствіе своевольнаго отверженія стала неисполнимымъ мечтаніемъ, усиливающимся отъ своей неисполнимости, что преданность поэзіи обязывала и его къ такимъ душевнымъ странствіямъ, которыя оста-

вались бы рѣшительно непонятными, если причину ихъ видѣть въ такъ называемой „жизни“. Очень распространенное въ догматической исторіи литературы противоположеніе „поэзія—жизнь“ оказывается ничего неговорящимъ, если приглядѣться ближе къ любому явленію старинной, безспорной поэзіи. Тотъ, кто коснулся поэзіи, и свою жизнь неизбѣжно видитъ затѣмъ преображенной. Своей исходной точкой поэзія беретъ антитезу тому прочному обыденному міру, который окружаетъ поэта. Рѣзкимъ толчкомъ поэтъ отдѣляется отъ бытового окружающаго спокойствія, уходя въ міръ невѣрныхъ страстей и боли, который, будучи автономенъ по своему происхожденію, и разрѣшеніе долженъ найти самъ въ себѣ. Эту основную тайну творчества Боратынскій выразилъ съ исключительной четкостью мысли:

Боляшій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
 Гармония таинственная власть
 Тяжелое искупить заблужденье
 И укротить бунтующую страсть.
 Душа пѣвца, согласно излптая,
 Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
 И чистоту поэзія святая,
 И миръ отдастъ причастницѣ своей.

О себѣ самомъ Боратынскій далъ въ этихъ словахъ прямое и искреннее свидѣтельство, поражающее насъ своей простотой и строгостью. Тогда измученность еще не приводила къ болѣзненной скрытности, и можно было съ простотою признаваться въ неизбѣжности тяжелыхъ заблужденій, того „неправеднаго изгиба“¹⁾ въ сердцѣ, который отталкивалъ отъ привычной душевной родины, мирной, благополучной по самому своему существу. Но это признаніе Боратынскаго имѣетъ и болѣе широкое значеніе, тѣмъ болѣе убѣдительное, что стихи его самого такъ искренни. Природа поэзіи вообще, ея неутолимая самодовлѣющая тревога выражены здѣсь неопровержимо.

Видя пути Боратынскаго, начинаешь понимать, что, не прикоснувшись къ поэзіи, мы бродили слѣпые, ничего не зная о себѣ и о мірѣ, только ощущая въ себѣ неопредѣленно-тягостныя силы, которыя наряду съ подлинно-поэтическимъ, духовнымъ бытіемъ, оказываются почти безразличной до-творческой тьмой.

¹⁾ Чтеніе строфы, приведенной въ эпиграфѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ окончательно не установлено. Академическое изданіе принимаетъ предложеніе В. Я. Брюсова (см. *Русск. Архивъ*, 1899 г., кн. 11, стр. 444) поставить запятую послѣ слова *неправедный*. Мы позволяемъ себѣ оставить чтеніе сборника *Сумерки*: *неправедный изгибъ*. Вѣроятноѣ, что строфа построена на противопоставленіи словъ *возвѣстившій* и *обнажившій*, какъ двухъ подлежащихъ. И мало вѣроятія въ томъ, чтобы становилось подлежащимъ четвертое слово *какой-нибудь*.

Душевная родина Боратынскаго—вовсе не отвлеченное понятие. Ее можно точно представить себѣ по письмамъ и дневникамъ людей того времени и близкихъ Боратынскому. Мирныя чувства и медленная сердечная жизнь принадлежали не одному даже поколѣнію и не одному узкому кружку. Скорѣй они были общей традиціей той эпохи, когда сильна увѣренность въ томъ, что тихіе вечера благословеніемъ снизойдутъ на бунтующую душу, что вѣрной будетъ смѣна дней. Объ этой атмосферѣ чувствъ отчасти рассказано въ эпосѣ „Война и миръ“, но можно думать, что чувства бывали и острѣе, интенсивнѣе, духовнѣе, чѣмъ у Толстого. А традиція ихъ была достаточно прочна, чтобы покорить себѣ отдѣльнаго протестанта. Еще въ перепискахъ XVIII вѣка можно встрѣтить ясно выраженное сознание, какъ дорогъ душевный миръ. В. В. Капнистъ, напримѣръ, писалъ Г. Р. Державину ¹⁾ еще въ 1786 году: „сказать вамъ мое житье-бытье? Вотъ оно: душевно отсталъ я отъ всякихъ великосвѣтскихъ замысловъ. Съискиваю свое истинное счастье въ уединеніи, въ содружествѣ Сашеньки, въ воспитаніи дѣтей, въ созерцаніи прекраснѣйшей дѣвственной природы, лелѣющей обитель мою, въ погруженіи себя иногда въ нѣдро души моей и въ воспареніи оттуда иногда къ Источнику ея и всея твари. Вотъ мои упражненія душевныя. Руками упражняюсь то въ очищеніи и украшеніи сада моего, какого прекраснѣе и рѣдкіе цари имѣютъ, въ обзорѣни хозяйства, въ построеніи новаго домика, словомъ, во всѣхъ сельскихъ, пріятныхъ и, можно сказать, покойныхъ трудахъ“.

Непривычныя уже слова могутъ заставить насъ отнестись къ этому признанію съ подозрѣніемъ въ литературности. Но о литературѣ можно говорить здѣсь только въ томъ смыслѣ, что покой душевный сталъ осознаннымъ благомъ. Однако, онъ не былъ еще утерянъ. Можно взять признаніе о такомъ же строѣ чувствъ изъ другого времени. Увѣренностью и миромъ проникнуты записки Е. И. Поповой, ²⁾ чловѣка, близкаго московскому славянофильскому кружку, но не литературнаго, чьему признанію, слѣдовательно, повѣрить легче. Е. И. Попова не смогла рассказать чего-нибудь значительнаго про близость свою съ интересными людьми. И тѣмъ не менѣе эти записки дороги, какъ прямое свидѣтельство о томъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою инстинктивной сердечностью можно было слѣдить за чувствами и семейными событіями въ кругу вѣрныхъ другъ другу людей, не терявшихъ своей сердечной цѣльности ни отъ какихъ внѣшнихъ событий. Смерть—вотъ единственно, что нарушаетъ медленное течение жизни, всецѣло опредѣляемой чувствами прочными, вплетающимися мирно въ благословенную смѣну дней.

¹⁾ Акад. изд. соч. Державина, т. V.

²⁾ „Изъ московской жизни 40-хъ годовъ“. Дневникъ Елѣн. Ив. Поповой. Спб., 1911 г.

„Домъ хорошъ, деревня хороша, можно было бы жить счастливо, но сердечныя потери—смерть родныхъ и сердцу милыхъ—возмущаютъ душу и разрушаютъ тихое сельское счастье“. Это—основная и единственная тема записокъ Поповой, и какъ хорошо она выражаетъ всю ненужность, необъяснимость тѣхъ неутолимыхъ чувствъ, тѣхъ неожиданныхъ пророчествъ, которыя возникали у Боратынскаго въ такой душевной средѣ. Записки Поповой—откликъ чувствъ людей наиболѣе близкихъ Боратынскому. Но нужно прочесть въ Татевскомъ сборникѣ ¹⁾ письма самого Боратынскаго къ И. В. Кирѣевскому, чтобы понять, какъ самому поэту была дѣйствительно близка эта несомнѣнная его родина, становившаяся все дороже, незабвеннѣе, поскольку какая-то враждебная сила удаляла отъ нея все рѣшительнѣе. Это—письма 1829—1833 г., времени, когда уже все въ его поэтическомъ мірѣ опредѣлилось. Въ нихъ среди сердечныхъ признаній вдругъ приводитъ поэтъ свои стихи объ „обманутомъ Орфеѣ“, о „превратномъ гени“, ставшемъ его наперникомъ. Какъ значителенъ, какъ непримиримъ этотъ разладъ двухъ міровъ! Только въ одномъ изъ полусотни этихъ писемъ за четыре года, не внесше никакого мира въ стихи Боратынскаго, онъ писалъ своему „товарищу умственной службы“ о томъ, какъ „много минутъ жизни, въ которыхъ насъ поражаетъ ея безсмыслица“. Но всѣ остальные письма! Они дѣлаютъ непонятнымъ самое представленіе о безсмыслицѣ.

„Радъ еще одному—что ты, съ твоей чувствительностью пылкою и разнообразною, полюбилъ меня, а не другого... Береги въ себѣ этотъ огонь душевный, эту способность привязанности, чистый, богатый источникъ всего прекраснаго, всякой поэзіи и самаго глубокомыслія. Люди, которыхъ охлаждаетъ суетный опытъ, показываютъ не проникаемость, а сердечное безсиліе. Вынеси сердце свое свѣжимъ изъ опытовъ жизни, не позволишь ему смутиться ими, вотъ на что мы должны обратить всѣ наши нравственныя способности. Прекрасное положительнѣе полезнаго, оно принадлежитъ намъ въ болѣе собственной, оно проникаетъ все существо наше, между тѣмъ какъ остальное едва нами осязается. Я пишу эти строки съ истиннымъ восторгомъ, знаю, что твое сердце не имѣетъ нужды въ подобныхъ поощреніяхъ, но мнѣ, въ мои теперешнія лѣта, испытавъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ болѣе другого, размышляя не менѣе другихъ, мнѣ сладко съ глубокимъ убѣжденіемъ принести это свидѣтельство въ пользу первыхъ чистыхъ вдохновеній сердца, простительныхъ, годныхъ, по мнѣнію эгоизма, только въ одну пору, а по мнѣ, священныхъ, драгоценныхъ во всякое время“.

Нужно всецѣло проникнуться этимъ исповѣданіемъ сердечнаго эсте-

¹⁾ Татевскій сборникъ. Изд. С. А. Рачинскаго. Слб., 1899 г.

тизма, чтобы отдать себѣ отчетъ, какой силы достигаетъ открываемый Боратынскимъ поэтический міръ, который не находилъ себѣ подтвержденія ни въ чемъ окружающемъ; ни отъ мелочныхъ фактовъ, ни отъ основныхъ чувствъ окружающаго онъ не зависѣлъ и потому получалъ вполне самодовлѣющее бытіе. Сердечный эстетизмъ — это цѣльная доктрина, стройно выводимая изъ понятія прекраснаго, которое не нужно логически обосновывать, ибо оно непосредственно вытекаетъ изъ традиціоннаго и вновь ощущаемаго чувства привязанности. Доктрина цѣльная, но не отвлеченная, наоборотъ, находящая себѣ постоянное, повседневное подтвержденіе въ ходѣ деревенской жизни, въ утомимости чувствъ.

„Дружба твоя, милый Кирѣевскій, принадлежитъ къ моему домашнему счастью... Мы оба видимъ въ тебѣ милаго брата и мысленно приобщаемъ тебя къ нашей семейной жизни“, — пишетъ Боратынскій въ другомъ письмѣ, гдѣ даетъ изумительное описаніе хода своей деревенской жизни. „Мы пьемъ чай, обѣдаемъ, ужинаемъ часомъ раньше, нежели въ Москвѣ. Вотъ тебѣ рама нашего существованія. Вставь въ нее прогулки, верховую ѣзду, разговоры; вставь въ нее то, чему нѣтъ имени: это общее чувство, этотъ итогъ всѣхъ нашихъ впечатлѣній, который заставляетъ проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейнаго счастья, и ты получишь довольно вѣрное понятіе о моемъ бытѣ“.

Изумительно въ этомъ письмѣ, конечно, то, какъ отвлеченное понятіе прекраснодушія было въ то время двигательной силой повседневности, и какъ факты, кажущіеся ничтожными избалованному поэтической красотой воображенію, приобрѣтаютъ дѣйствительную глубокую силу для правдивой серьезности Боратынскаго. Эти письма его къ И. Кирѣевскому такъ же, какъ его стихи, посвященные женѣ, даютъ ручательство въ искреннемъ реализмѣ тѣмъ поэтическимъ его измышленіямъ, которыя могутъ показаться только измышленіемъ, только декадентской выдумкой, — такъ неправдоподобны будутъ они въ своихъ выводахъ. Обманываютъ или дѣйствительно врачуютъ они таинственной властью своей гармоніи?

Необходимо, однако, еще подтвердить, что восторженность обращенія къ Кирѣевскому не исходила только отъ Боратынскаго, не была мечтаніемъ, которое онъ бросалъ, какъ отображеніе своей боли и своихъ поисковъ, въ пустоту. Нѣтъ, Кирѣевскій всѣмъ своимъ душевнымъ обликомъ, своимъ ученіемъ давалъ отвѣтъ и подтвержденіе тому сердечному эстетизму, который гораздо менѣе былъ теоретической системой, чѣмъ ощущаемымъ планомъ житейской повседневности.

Эту силу повседневности не уловишь обычно. Но вотъ цѣльно вырастающее изъ нея ученіе Кирѣевскаго благодаря ей становится

вдвойнѣ оправданнымъ. Къ нему возвращаемся мы теперь, истомленные тѣмъ зрѣлищемъ, которое Кирѣевскій видѣлъ только въ западной жизни и которое за это время успѣло стать всеобщимъ достоянiемъ. „Раздробивъ цѣльность духа на части и отдѣльному логическому мышленiю предоставивъ высшее сознание истины, человѣкъ въ глубинѣ своего самосознаниа оторвался отъ всякой связи съ дѣйствительностью и самъ явился на землѣ существомъ отвлеченнымъ, какъ зритель въ театрѣ“... Изъ этой тоски Кирѣевскій исходилъ, ей противопоставляя основное свое убѣжденiе въ томъ, „что сладость Божественная доступна только цѣльности сердечной“. Какимъ существеннымъ дополненiемъ къ системѣ Кирѣевского служить неоконченный его романъ „Островъ“ съ той же мыслью, что за бесплодными утесами, среди моря испытанiй, „жизни разорванной и блѣдной“—скрытъ потерянный, душевный островъ. „Только ищи его. Только душа часто сама не знаетъ объ немъ“. И какъ ясно также, что этотъ островъ, дѣйствительно, обрѣтался въ тихихъ и свѣтлыхъ долбинскихъ вечерахъ, въ тѣхъ нитяхъ, которыя протягивались отъ системы прекрасносердечiа къ ея повседневному осуществленiю—къ брату, къ Елагинымъ, Жуковскому и Боратынскому.

Тихiе вечера, рождающiе „музыку въ душѣ, Эолову музыку, не связанную ни съ какой мыслью“, о которыхъ писалъ Кирѣевскій, и „благодать семейнаго счастья“, вставленная въ раму медленно-мирной деревенской жизни, о которой писалъ Боратынскiй,—естественно сливаются другъ съ другомъ, естественно порождая гармоничную правду сердечныхъ убѣжденiй Кирѣевского. Вотъ чьи мысли заключили бы правдоподобно ту душевную родину Боратынскаго, отъ которой онъ поэтически оторвался. Личнаго разрыва и у него не было. Счастье достатка, крѣпкой, многодѣтной семьи, рѣдко посѣщающее поэтовъ, посѣтило его съ исключительной вѣрностью. И, казалось бы, самая основа чувствъ Боратынскаго вполне опредѣлена въ той извѣстной его характеристикѣ, которую далъ ему И. Кирѣевскiй, которую своей рукой списала и сохранила въ своихъ бумагахъ вдова поэта Н. Л. Боратынская: „рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно чувствительный къ сочувствiю людей ему близкихъ, онъ охотно и глубоко высказывался въ дружескихъ бесѣдахъ и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выразиться для публики“. Достаточно знали поэта оба вѣрныхъ его друга, чтобы можно было повѣрить вполне ревниво сердечному тону этой характеристики.

Казалось бы, поэзiа Боратынскаго только и можетъ стать прославленiемъ благоустроенной жизни, мирныхъ и завершенныхъ чувствъ. Но она становится своеобразнымъ преображенiемъ мiра, приобрѣтаю-

щимъ тѣмъ большую увѣренность и силу, чѣмъ дальше уходитъ оно отъ окружающаго прочнаго строя чувствъ.

Ни одинъ изслѣдователь не могъ миновать этой основной двугранности Боратынскаго. Еще кн. П. А. Вяземскій писалъ о странно-напряженной и оторванной работѣ его ума: „едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буравить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю“. Поэтический методъ Боратынскаго указанъ здѣсь глубоко правильно. Онъ всегда уходилъ къ подземнымъ источникамъ. Но почему ихъ свѣтлая струя оказывалась неизмѣнно горькой?

Правъ также Ю. И. Айхенвальдъ, замѣтивъ о Боратынскомъ: „надо имѣть въ виду, что его поэзія,—это уже не первая, а вторая глава изъ его душевной книги“. Но нужно подчеркнуть, что и первая глава (если подразумѣвать подъ этимъ словомъ сердечную довѣрчивость) протянулась на всю жизнь поэта, но протянулась въ полной независимости отъ главы второй, упорно скорбной.

Сколько разъ пытались объяснить эту скорбность хоть изъ какого-нибудь факта его жизни. Единственно, что достовѣрно найдено—это дѣтская шалость, за которую поэта исключили изъ пажескаго корпуса. О пей писалъ Боратынскій, вспоминая, какъ съ своими товарищами онъ увлекался „Глоріозо, Рипальдо-Рипальдини, разбойниками во всѣхъ возможныхъ лѣсахъ и подземельяхъ“. „Разбойничья жизнь казалась для меня завиднѣйшей въ свѣтѣ, и природно безпокойный и предприимчивый, я задумалъ составить общество мстителей, имѣющее цѣлью сколько возможно мучить нашихъ начальниковъ“. Первое и единственное у Боратынскаго подражаніе Шиллеру имѣло слѣдствіемъ нелѣпо жестокое наказаніе. ¹⁾ Но не твердъ міръ, гдѣ дѣтской игры въ разбойники достаточно, чтобы разбить естественную систему міровой и сердечной гармонии.

Конечно, эти ссылки на дѣтство ничего не объясняютъ. И нужно ли объяснять самочинное возникновеніе поэзіи, которая, благодаря отсутствію эмпирическихъ мотивовъ и объясненій, приобретаетъ надъ нами самостоятельную и абсолютную власть? Самовольность своей поэзіи Боратынскій чувствовалъ и, какъ бы совѣстясь за возникающую въ немъ помимо его желанія и склонностей силу, писалъ своей свояченицѣ С. Л. Энгельгардтъ при посылкѣ поэмы „Баль“ о томъ, какъ рѣшителенъ этотъ разладъ двухъ міровъ:

¹⁾ О провинности Боратынскаго см. замѣтки Н. Путяты и П. Кичеева, *Р. Архивъ*, 1868 года, а также вступительную статью М. Л. Гофмана въ новомъ академическомъ изд. Б—аго.

Тебѣ-ль, невинной и спокойной,
 Я привошу въ нескромный даръ
 Разказъ, гдѣ страсти недостойной
 Изображенъ преступный жаръ?
 И безобразный, и мятежной,
 Онъ не плѣнить твоей мечты;
 Но что? на память дружбы нѣжной
 Его, быть можетъ, примешь ты.
 Жилецъ семейственнаго круга,
 Такъ въ даръ приемлетъ домосѣдъ
 Отъ путешественника друга
 Пустыни дальней дикій цвѣтъ.

Трогательно это посвященіе поэмы объ „опасной прелестницѣ“, которая „обведена волшебнымъ очеркомъ“, невинной и спокойной дѣвушкѣ. Но насколько еще сложнѣе сочетаніе категорій пустынности и дружеской сердечности въ одномъ обликѣ, спокойствіе котораго разрушается упорно преступнымъ жаромъ страсти.

Нужно возстановить только истинное значеніе понятія *страсть*. Легко и всякій согласится, что оно примѣнимо къ поэмѣ „Баль“, но откажется примѣнить къ Боратынскому-лирику, про котораго давно и достаточно авторитетно было сказано: „онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслить“. Мыслить, слѣдовательно холоденъ, теоретиченъ, ничего не скажетъ простому сердцу, непосредственному чувству,—вотъ выводъ, который обычно лишаетъ Боратынскаго популярности, а больше доказываетъ, какимъ слабымъ критеріемъ могутъ быть такъ называемыя „чувства“. Не пропадаютъ чувства, разумѣется, на той высокой ступени, куда возвышалъ ихъ Боратынскій, но, наоборотъ, здѣсь-то впервые и обнаруживаются, низводя тѣ душевныя движенія, которыя на просторѣчи называются именемъ чувствъ, на степень грубоватыхъ, не отдѣленныхъ отъ тяжелаго матеріальнаго бытія инстинктовъ. Не животностью натиска отличается истинная страсть отъ чувства, но еще большею самостоятельностью своего бытія. И не по звѣриной удовлетворимости своей любовь становится первичной темой поэзіи, основной проблемой человѣческаго духа, но какъ разъ потому, что, лишь становясь неудовлетворимой, она приобретаетъ настоящую силу, дѣйствительное бытіе.

Взглядъ такой совпадаетъ съ основнымъ размышленіемъ Боратынскаго о томъ, что страданіе намъ нужно:

Бездѣйственность души счастливцевъ тяготитъ;
 Имъ силы жизни неизвѣстны.
 Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ!
 Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной
 И въ ощущевіяхъ слѣпыхъ
 Души расцѣпанной и празднои?...

Пусть мнимымъ счастьемъ для свѣта мы убоги,
Счастливыцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
Имъ дали чувствениость, а чувство дали намъ.

При такомъ взглядѣ на душевную природу человѣка поэма „Баль“ перестаетъ занимать одинокое мѣсто въ поэзи Боратынскаго.

Она вся ставитъ вопросъ: какимъ будетъ чувство человѣческое въ его высокомъ напряженіи, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ повѣствованіемъ о разрушительномъ дѣйствиіи страсти... Изображенію страсти отданы романтическія поэмы Боратынскаго.

„Баль, маскарадъ, непринятое письмо, не одинокая прогулка, чтеніе альбомныхъ стиховъ, поэтическое имя, однимъ словомъ, все случайности и все обыкновенности жизни принимаютъ подъ его перомъ характеръ значительности поэтической“, писалъ Кирѣевскій о „Наложницѣ“. Его мнѣніе еще болѣе приложимо къ „Балу“, лучшей по сдержанной силѣ и четкости поэмѣ Боратынскаго:

Глухая полночь. Строемъ длиннымъ,
Осеребренныя луной,
Стоять кареты на Тверской
Предъ домоу пышнымъ и стариннымъ.

Среди „обыкновенностей“ разовьется повѣствованіе о романтически губительныхъ страстяхъ. Лучшая задача для истиннаго романтизма, освященная примѣромъ „Пиковой дамы“ и „Евгенія Онѣгина“, романовъ Бальзака и Достоевскаго,—не уходить въ восточные серали, не искать орхидей и кактусовъ, и приключеній бурныхъ пиратовъ; средне-вѣковые монастыри, индійскія благовонія, кавказскія горы,—случайный и поверхностный элементъ въ романтизмъ, который сможетъ найти себѣ обильную пищу въ каждой повседневной душѣ и во всякомъ обыкновенномъ событіи. Обморокъ среди кадрили, гулянье подъ Новинскимъ, Тверской бульваръ, надъ которымъ погасаетъ июльскій день, метель, крутящаяся среди обнаженныхъ деревьевъ Прѣсенскихъ прудовъ,—захочетъ ли современный человѣкъ, опустошенный арифметикой и психологіей, вызвать свѣтлыхъ романтическихъ духовъ среди такихъ привычныхъ фактовъ и картинъ?

Отъ нашего слабосилія Боратынскій кажется еще свободнѣе и искреннѣе. Отъ его внѣшняго реализма (какой и должна быть обстановка у дѣйствительно сильнаго романтика) тѣмъ тверже и острѣе кажутся намъ странныя и губительныя чувства его поэмъ. Княгиня Нина, вокругъ которой воздухъ исполненъ страстной заразы, Арсеній, носящій на себѣ

Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій,

ихъ поединокъ, неразрѣшимый безъ введенія (для краткой отчетливости фабулы) ядовитаго рѣдкостнаго перстня,—во всемъ этомъ съ обнаженной остротой передана только одна тема, только намѣчено построение чистой страсти. Въ отдѣльныхъ эпизодахъ ея отвлеченное бытіе приближено съ предѣльной реалистичностью. Какимъ захватывающимъ предостереженіемъ звучать строки, больныя, плѣнительныя:

И Нина трепетной рукою
Лицо румянить въ первый разъ.

Онъ же предопредѣляютъ развязку, о которой разносятъ вѣсть по городу

Билеты роковыя,
Билеты съ черною каймой,
На коихъ брѣнности людской
Трофеи, модой принятыя,
Печально поражаютъ взглядъ;
Гдѣ сухошавыя Сатурны
Съ косами грозными сидятъ,
Склонясь на траурныя урны.

Намъ теперь легко можетъ показаться незабвеннымъ тотъ укладъ независимой, богатой жизни, въ обиходъ которой были введены праздники, церемонныя встрѣчи, романы, отъ бездѣлья ставшіе дѣломъ, и мелочи вродѣ этихъ Сатурновъ на траурныхъ билетахъ. Намъ трудно отдѣлать романтическія чувства отъ этой легкой, капризной и щедрой жизни. Но какъ мы были бы неправы, если бы поддались соблазну изъ нея выводить причинно самый романтизмъ. Безпечная и по существу благополучная помѣщичья жизнь менѣе всего говорила о той боли страстей, которую мы увидали въ прошломъ, лишь освобожденные современной лирикой, но которая въ самомъ прошломъ жила, можетъ быть, еще настойчивѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ въ наши дни, потерявшіе всякій укладъ и всякое понятіе о прочномъ бытѣ. И самый этотъ бытъ только тогда и оказывается благословеннымъ, когда мы поймемъ, какъ заострилось и утверждалось его медленное теченіе вмѣшательствомъ необоснованныхъ, самостоятельныхъ созерцаній, которыя вносили послѣднюю чистоту эстетизма цѣною разрушенія мирныхъ или тѣлесно-связанныхъ чувствъ.

Въ своихъ поэмахъ Боратынскій, жестоко назвавъ вѣрную Оленьку

дѣвчонкой
Со сладкой глупостью въ глазахъ,

давъ Елецкому лишь

сомнительное счастье
Мгновенныхъ, бѣдныхъ этихъ встрѣчъ,

нераздѣльно соединивъ понятія любви и отравы, живое счастье подчинивъ темной мечтѣ,—всѣмъ этимъ убѣдительно цѣльнымъ развитіемъ чувствъ поставилъ свою основную, единственную тему о „недугѣ бытія“, который мы должны любить и лелѣять, если не хотимъ ограничиться тягостной бездѣйственностью души.

Самое бытіе неотдѣлимо отъ своего недуга, лишь имъ постигается въ своей основной субстанціональной части.

Темною мечтой впервые осуществляется „опасная въ жизни полнота“. Она опасна для благополучія, необходима для дѣйствительной духовности. Между этими двумя полюсами—жизни житейской и бытія поэтическаго—нѣтъ и не можетъ быть согласія.

Къ такому признанію, какъ къ исконной своей идеѣ, постоянно возвращается Боратынскій, часто говоря о ней съ неожиданной простотою. Романтически-серьезна и глубока поэма „Цыганка“, немногими и простыми словами рассказана въ ней исторія Вѣры, молодой, нѣжной, чисто-сердечной. О томъ, какъ возникаютъ эти бури, неизбежныя для полноты душевной, какъ сильно противорѣчіе этихъ двухъ путей, также рассказано здѣсь просто и убѣдительно:

Легко ей было! Какъ блистала,
Какъ ликовала въ ней душа!
Дѣвица юная не знала,
Живого счастья полна,
Что такъ доверчиво она
Одной отравой въ немъ дышала;
Что сей привѣтнѣйшій вѣтерокъ,
Ее ласкающій такъ нѣжно—
Грозы погубительной пророкъ;
Что вдругъ дохнетъ она мятежно,
И міръ въ глазахъ ея затмитъ;
И всѣ красы его разрушить,
И всѣ цвѣты его изсушить,
И жизни путь опустошить.

Въ мысли о томъ, что любовь—разрушительная страсть, чего-нибудь необычайнаго еще нѣтъ. Къ ней достаточно пріучили поэты, какъ бы ни была она бессмысленна съ точки зрѣнія рациональнаго или естественнаго міропорядка. Труднѣе привыкнуть къ мысли, что это только частный видъ тѣхъ страстей, которыя кружатся постоянно надъ головой чловека, готовые во всякую минуту напасть на него, опьянить его своимъ тлетворнымъ духомъ, оторвавъ отъ прочности плоти, отводя рѣшительно въ призрачную область, исполненную печали.

Неслучайна, хотя и трудно объяснима, связь печали Боратынскаго съ его властью надъ музыкальной гармоніей. Можно лишь предположительно сказать, что, отдавшись жизни духа, вѣчно безпокойной, неуто-

лимою, требующей призрачнаго движенія, ибо движеніе дѣйствительное кажется слишкомъ медленнымъ, отягощеннымъ, человѣкъ высшимъ благомъ можетъ счесть лишь ту гармонию, которая на мгновеніе нисходитъ отъ прикосновенія къ эстетически совершенному предмету. О чемъ говоритъ это совершенство предмета? О томъ ли, что на эти минуты появилось приобщеніе Абсолюта, становящемуся доступнымъ лишь на отдѣльных мгновенія для бѣдной человѣческой души? Вѣроятно, такъ. Но, можетъ быть, также самое понятіе Абсолюта своимъ единственнымъ основаніемъ имѣетъ эту невыносимую жажду гармоніи, не осуществимой тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе потребность въ ней. И въ признаніяхъ на эти вопросы Боратынскій остался такимъ же цѣломудреннымъ, такъ же отвергалъ соблазнъ преувеличеннаго, тщетно обнадеживающаго слова. Призрачны или религіозны эти минуты абсолютной гармоніи? Не про объясненіе, но лишь про фактическую наличность этихъ минутъ говорилъ Боратынскій въ своемъ безупречно-точномъ афоризмѣ: „поэзія есть полное ощущеніе извѣстной минуты“, или въ плѣнительно-печальномъ стихотвореніи:

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

Тѣмъ не менѣе достовѣрно, какъ ничто, ихъ краткое бытіе. Но если такъ достовѣрны сами сочетанія гармоническія, то неотдѣлимымъ отъ нихъ въ личной судьбѣ Боратынскаго представляется путь къ нимъ, о которомъ самъ поэтъ сказалъ уже въ раннемъ стихотвореніи:

Ахъ, сколькихъ стоитъ слезъ безсмертія вѣнецъ.

Это та непонятная мука, которая уводитъ отъ вѣрнаго, мирнаго теченія событій, замѣняя его произвольными, облачными, скоротечными видѣніями:

Въ печаль влюбилась мы. Новѣйше поэты
Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,

говорилъ еще Боратынскій, завидуя Богдановичу, милому виду его сердечной простоты, чувствуя, что уже рѣшительно, навсегда

Мы лишены старинныхъ правъ
На своеволе забавъ,
На своеволе желаній.

Это первичное и какъ бы преднамѣренное признаніе, и когда, наконецъ, оно принято во всей его серьезности, только тогда начинается

полное, планомѣрное развитіе поэзіи, построение того міра, безъ котораго Боратынскій, очевидно, не могъ жить, хотя, казалось бы, онъ только опустошалъ путь жизни. Тогда чувства напрягаются до своей предѣльной полноты, разрѣшаясь такими изумительными своей силой стихами, какъ „Мы пьемъ въ любви отраву сладкую“, или:

Онъ близокъ, близокъ день свиданья—
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи: восторгомъ ожиданья
Что-жъ не трепещеть грудь моя?...

Напрасно было бы говорить о мысляхъ, своимъ холодомъ убивающихъ чувства. Нѣтъ, самыя чувства приняли тотъ опустошающій, незнающій исцѣленія характеръ, который такъ властенъ надъ больной, усталой душой. Но все больше и больше она устаетъ отъ тѣхъ волненій, которыя пробуждаются вмѣсто любви, отъ слѣпой тоски, которую такъ легко вновь разжечь:

Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье,
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье.

Это основное тревожное чувство варьируется безконечно, то принимая формы какъ бы спокойнаго, но полнаго холоднымъ отчаяніемъ „Разувѣренія“ или окончательнаго „Признанія“ въ томъ, что для искренней нѣжности уже нѣтъ мѣста, что

Вполнѣ упоеваетъ
Насъ только первая любовь,

Или „Оправданія“, разсказа о бесплодномъ поединкѣ, о ненужной жестокости, обидахъ, о двойной винѣ. Или вновь подымается до четкости „Разлуки“—разсказа о призрачномъ очарованіи, опять ушедшемъ изъ скорбнаго сердца:

Лишь началъ сонъ... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

Не установлены тѣ лица и тѣ событія, къ которымъ относились эти мольбы и упреки, и, конечно, никогда съ точностью не будутъ установлены. Но здѣсь это наименѣе важно. Все мѣнялось, входя за ту зачарованную черту, гдѣ властвовало поэтическое воображеніе. Отъ разнообразныхъ живыхъ людей и отъ житейскаго облика самого поэта осталась здѣсь одна легенда, развертывающая съ такимъ единствомъ страсти, которому не было мѣста въ перебояхъ повседневной жизни. И вотъ мы уже не видимъ болѣе счастливаго семьянина Боратынскаго.

На мѣсто утолненныхъ, успокоенныхъ (и потому, можетъ быть, исчезнувшихъ?) чувствъ становится ощущение обманчивости, преходящести, мгновенности, ощущение одного упорно повторяющагося предательства, въ которомъ никто не виноватъ, ибо оно равно измучило обоихъ участниковъ:

Не внемлешь ты и, мукъ моихъ жадна,
По правиламъ прелестницъ хладпокровныхъ,
Все памятью обидъ своихъ полна.
Прости-жь навѣкъ; но знай, что двухъ виновныхъ,
Не одного—найдутся имена
Въ стихахъ моихъ, въ преданяхъ любовныхъ!

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, дѣйствующія лица которыхъ намъ извѣстны, поражаетъ желаніе Боратынскаго найти душу надломленную, опустошенную. Душевная сложность и еще болѣе душевная неутолимость дѣлаютъ поэзію Боратынскаго предчувствіемъ болѣе позднихъ временъ, болѣе отягощенныхъ долгимъ наслѣдіемъ страстей и сомнѣній. Портреты душъ, оставленные Боратынскимъ, начертанные методомъ еле уловимыхъ намековъ и связей, не потеряли своей выразительности, своего остраго яда и въ наши дни. Таковъ портретъ прототипа Нины изъ „Бала“—А. Ѳ. Закревской:

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла!
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты!
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?...

По въ большинствѣ случаевъ мы даже не знаемъ, посвящены ли стихотворенія дѣйствительно существовавшимъ людямъ, или передъ нами всецѣло поэтическое, самовольное даже въ своемъ поводѣ, постиженіе чувствъ. Боратынскій былъ правъ, когда называлъ такое постиженіе несправедливымъ, когда ожидалъ, что кто-то иной „возвѣститъ святое“, и еще болѣе былъ правъ, не спѣша назвать святымъ то благополучіе, которое могъ бы такъ естественно и легко увидать около себя. Конечно, душевно бѣденъ тотъ, кто миновалъ бы въ своемъ опытѣ такое постиженіе чувствъ.

Еще болѣе близокъ позднѣйшей душевной сложности другой портретъ: „Всегда и въ пурпурѣ и въ златѣ“. Конкретность нѣкоторыхъ чертъ въ немъ позволяла бы говорить о портретѣ съ натуры. Въ то же время привлекательна еле намѣченная, далекая отвлеченность другихъ его чертъ. Самый стихъ звучитъ издали, и этому соотвѣтствуетъ заключительное признаніе о томъ, что чувствамъ и не нужно конкретизироваться:

Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

Именно этими словами указана наиболѣе характерная черта тѣхъ чувствъ, преданность которымъ неотдѣлима отъ поэзіи Боратынскаго. Больше того: важнѣйшій отдѣлъ поэзіи вообще возникаетъ изъ чрезмѣрно усилившихся и безразсудно требовательныхъ чувствъ. Можно ли увѣренно назвать существующимъ хоть какое-нибудь изъ этихъ чувствъ, подлинно духовныхъ? Нѣтъ. Даже категорія существованія для нихъ слишкомъ опредѣленна:

Есть бытіе, но именовъ какимъ
Его назвать?—ни сонъ оно, ни бдѣнье:
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничить разумѣнье.

На этой опасной грани загорается поэзія свѣтлымъ пламенемъ. И что въ мірѣ вещественномъ соотвѣтствуетъ этимъ чувствамъ, оторвавшимся и вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнительнымъ настолько, что прикоснувшійся къ нимъ не пожалѣетъ о принесенномъ въ жертву мірѣ счастливой чувственности? Можетъ быть, ничего. Отсюда такая боль, отсюда наименование „неправеднымъ“ того душевнаго изгиба, который открываетъ свободу духа и вмѣстѣ съ нею—космическую дисгармонію, умиротворяемую впервые поэзіей.

У Боратынскаго этотъ изгибъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую убѣдительность, что строга и закончена мелодія его стиха. Тѣмъ большая сила въ элегіяхъ Боратынскаго, что въ согласіи съ законами классическаго стиля отчетливъ и свѣтелъ пейзажъ, къ которому пріурочены горькія чувства. Наконецъ, нельзя сказать, что только юношескій бредъ—эти чувства: они протянулись и за тѣ годы, когда, казалось бы, должна была исчезнуть неправедная боль, ибо—это была рѣдкая случайность—дѣйствительно нашелся человѣкъ, который полюбилъ таинство печали и съ укрошающей нѣжностью сошелъ въ этотъ душевный адъ. Но отдѣлъ стиховъ, посвященныхъ женѣ поэта—Н. Л. Боратынской, стоитъ на особомъ мѣстѣ; они скорѣе автобіографическія записи о той стихіи, которая развивалась внѣ легендарнаго, мучительнаго творчества, съ своими цѣнностями, съ своими истоками. А этотъ циклъ видѣній нужно было разрѣшить самъ въ себѣ.

Можно замѣтить перемѣны въ міровоззрѣніи Боратынскаго, лишь постепенно созидалась у него философія отчаянія, но весь его путь опредѣляется признаніемъ одного поздняго его стихотворенія, мудраго, по отдѣльнымъ своимъ выраженіямъ неправдоподобно смѣлаго:

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Бойтся въ ней она

Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
 Не легкокрылыхъ грезъ, дѣтей волшебной тѣмы,
 Видѣній дна боимся мы,
 Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Такимъ противоположеніемъ начинастъ Боратынскій для того, чтобы загѣмъ съ полной смѣлостью опредѣлить призваніе поэта:

О сынъ Фантази! ты благодатныхъ Фей
 Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ,
 Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
 Неосязаемыхъ властей...

Даже слова остались тѣ же, взяты изъ окружающей прочной дѣйствительности: „веселый семьянинъ“.

Въ этомъ опредѣленіи поэзія впервые является въ дѣйствительной полнотѣ своей силы. Если бы такъ поэзію нельзя было опредѣлить, ея существованіе ничѣмъ оправдать было бы невозможно. Весь тотъ томительный путь безнадежности, скорбнаго разувѣренія, который казался самочинно, несправедливо начавшимся, въ этотъ моментъ сталъ путемъ яснымъ, вѣроятно, слишкомъ мучительнымъ, но все же всецѣло оправданнымъ. Конечно, касаніе къ своевольнымъ видѣніямъ не проходитъ безнаказанно. Ихъ опасность для реалистическаго романтизма, вѣрнымъ сторонникомъ котораго былъ Боратынскій, какъ разъ въ томъ, что сама повседневная дѣйствительность становилась міромъ видѣній. Если бы можно было въ своей жизни отчетливо отдѣлить мгновенья „мірскаго праздника“ и „раскованной мечты“! Но нѣтъ, едва замѣтнымъ придаткомъ мечтательности окрашиваются всѣ чувства, и вотъ они уже неутолимы, неосязаемы, свободны и призрачны. И все же этотъ опытъ душевный былъ настолько значителенъ, что къ нему вполне примѣнимы слова:

Ты не вздыхаешь объ утратѣ
 Какой-то младости твоей.

Своими отдѣльными проникновеніями Боратынскій намѣчаетъ, такимъ образомъ, построение самодовлѣющей эстетики. Поэзія, возникающая изъ разлада, который даетъ первое свидѣтельство о жизни духа, въ самой себѣ, въ силѣ своей гармонии несетъ ручательство за цѣлесообразность своего возникновенія. Поэтому вовсе не случайно, что наиболѣе гармоничными намъ кажутся тѣ произведенія, тема которыхъ—преходящесть и неосуществимость. Принятыя твердой душой, окруженные предметами и пейзажами, которые обозначены четко и ясно, именно эти темы создаютъ непревосходимую силу элегіи.

Такъ можно объяснить обаяніе стиховъ Боратынскаго, въ согласіи съ его міровоззрѣніемъ. Но самъ онъ приближался, безъ всякой теоретической отвлеченности, къ выводамъ, болѣе рѣшительнымъ. Объ этой

ненадуманности ихъ, о томъ, какъ свободно отдавался онъ видѣніямъ, слѣдуетъ привести еще одно свидѣтельство, вновь удивляющее насъ простотой и смѣлостью своихъ опредѣленій, по сравненію съ которыми термины позднѣйшей рационалистической критики становятся совсѣмъ скудными. Боратынскій писалъ Кирѣевскому: „Ты меня понялъ совершенно, вошелъ въ душу поэта, схватилъ поэзію, которая мнѣ мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: *переноситъ насъ въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную*—заставила меня восторгнуться отъ радости, ибо это-то самое достоинство я подозрѣвалъ въ себѣ въ минуты авторскаго самолюбія, но выражалъ его хуже“. Въ этой фразѣ указаніе на наиболѣе существенное въ поэзіи,—на ея освобождающее дѣйствіе, благодаря которому преданность ей становится незамѣнимымъ благомъ даже въ томъ случаѣ, когда въ мечтательномъ просторѣ откроется мучительность бытія. Боратынскаго эта свобода поэзіи влекла къ признаніямъ, смыслъ которыхъ крайне тяжелъ. Въ самомъ дѣлѣ, верховнымъ понятіемъ или даже единственнымъ достиженіемъ идейныхъ странствій Боратынскаго была смерть, признаніе ея необходимымъ условіемъ гармоніи. Ни къ какому иному миеологическому образу не обращался Боратынскій съ такими восхищенными и нѣжными словами:

Ты дочь верховнаго Ээира,
Ты свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Только этимъ образомъ замыкался міръ безпокойнаго, неутомимаго духа и находилъ себѣ разрѣшеніе. Смерть—высшая правительница міра, самъ Всемогущій поручилъ ей хранить его устройство, такимъ миеомъ увѣнчалась поэзія Боратынскаго.

Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Думая о читателѣ своихъ стиховъ, Боратынскій представлялъ себѣ его задумчивость, молчаливо потупленные глаза, видѣлъ жестъ руки, тихо повертывающей листъ. Онъ былъ правъ, конечно. Состояніе спокойной печали, непреодолимой и не нуждающейся уже въ преодоленіи, вызываетъ его поэзія въ цѣломъ и болѣе другихъ это логически заключительное стихотвореніе. Едва ли справедливо придавать ему ироническій смыслъ, считая его одинокимъ выраженіемъ крайняго отчаянія. Нѣтъ, поэтъ поднимался здѣсь до созерцанія неизбѣжнаго, которое, разрѣшившись въ предѣльномъ понятіи, вызываетъ чувство мира.

Но оторвавшись отъ этого отдѣльнаго воспріятія, дающаго мгновенный міръ, вновь возвращаешься къ жизненному пути Боратынскаго въ его цѣломъ, и полная несовмѣстимость двухъ отчизнъ вызываетъ новое

чувство крайней драматичности. Биографическіе матеріалы, прилагаемые къ различнымъ изданіямъ его сочиненій, пестрятъ указаніями на то, что вновь и вновь „кипучая хозяйственная дѣятельность“ прерывала его литературную работу, что заботы о благоустройствѣ, постройки и тяжбы, которыхъ требовали различныя и обширныя его имѣнія тамбовскія, казанское, подмосковныя, на долгіе мѣсяцы отрывали его отъ служенія музамъ. „Нашъ домъ сейчасъ имѣетъ видъ маленькаго университета. У насъ пять иностранцевъ, между которыми случай доставилъ намъ и прекраснаго преподавателя рисованія. Наша жизнь мало разорительна, и выгоды, которыя мы надѣемся извлечь изъ эксплуатаціи лѣса, позволяютъ намъ сдѣлать много для образованія дѣтей; въ ожиданіи же они и ихъ учителя оживляютъ наше одиночество“... Одинъ этотъ отрывокъ изъ письма, по времени недалекаго отъ тягчайшей элегии „На что вы, дни“, гдѣ говорится о бесплодномъ вечерѣ, вѣнцѣ пустого дня, напомнить о томъ, чередованіе какихъ несовмѣстимыхъ чувствъ создавало разныя плоскости въ жизни Боратынскаго, нисколько не опровергая убѣдительности „Смерти“. Вѣрнѣе, отъ такой противоположности самостоятельной силой звучитъ стихотвореніе „Смерть“, завершающее цѣльно элегическую поэзію Боратынскаго такъ же, какъ это письмо завершаетъ внѣшнюю благоустроенность его жизни. Если не цѣльный сердечный эстетизмъ, то это мирное, заполненное теченіе времени должно было бы уничтожить послѣдовательность его видѣній. Когда мы думаемъ о благополучіи, то раньше всего представляемъ себѣ плѣнь тѣхъ повседневныхъ связей, которыя, ежеминутно напоминая о людяхъ, поступкахъ, вещахъ, самое возникновеніе элегии дѣлаютъ невозможнымъ, безцѣльнымъ, неправеднымъ. И самая эта элегическая бесполезность, музыкальная просторность, вызывающія нѣжныя слова и въ отношеніи къ смерти, позволяютъ говорить объ абсолютной силѣ эстетическаго примиренія. Такого примиренія мы ждали бы отъ религіи, освобождающей отъ относительнаго, безразлично-матеріальнаго, корыстнаго существованія. Освобождаютъ тѣ строфы, которыми прославлялъ Боратынскій благодатное вѣяніе смерти:

И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ его лія
И въ немъ прохладнымъ дуновеньемъ
Смирная буйство бытія.

Но житейски было тягостно это сознаніе, что только смерть даетъ примиреніе „безпокойной, невоздержной пестротѣ“ бытія, буйство котораго бесплодно. И самая несовмѣстимость силъ душевныхъ изъ благополучнаго существованія дѣлаетъ одухотворенное, но драматическое бытіе. Вновь съ исключительной отчетливостью словъ Боратынскій обозначилъ самую сущность этого боренья, сказавъ:

Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа.

Именно подвигомъ естественнѣе всего назвать и весь жизненный путь Боратынскаго. Объ этомъ бореніи, о минутахъ отчаянія, когда поэтъ могъ дать только одинъ совѣтъ:

И берегите кладъ спасительный
Своей бездѣйственной души

о минутахъ, когда ему самому весь его путь казался непоправимой ошибкой, искушеніемъ „чаднаго демона“ и онъ молилъ:

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ, его мертвящій,
Отыдетъ, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?

о томъ, какъ тяжела оказалась преданность „неосязаемымъ властямъ“ рассказываетъ много поэзія Боратынскаго. Всего яснѣе это соединеніе несовмѣстимыхъ силъ видно въ одномъ эпизодѣ 1827 года. Въ этомъ году одно за другимъ возникли два стихотворенія Боратынскаго. Одно изъ нихъ—наиболѣе пустынная и страшная изъ его утопій „Послѣдняя смерть“, гдѣ ко всему міру отнесены мгновенія истомленности безысходнымъ ожиданіемъ. Эта утопія напоминаетъ о томъ, какъ неосторожно говорить о холодѣ мысли Боратынскаго. Гораздо болѣе характеризуютъ его такія состоянія, когда,

Какъ волны, на него
Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ;
Какъ будто бы своей отчизнѣй давней,
Стихійному смятенью отданъ онъ.

Только подъ стихійностью разумѣются не природныя силы, а чисто человѣческое одушевленіе; откровеніе ли, или болѣзненная мечта возникаетъ благодаря ему, оно охватываетъ душу настойчиво, и отъ самой призрачности видѣнія не уменьшается его боль и неизбежность его появленія. Думая о послѣдней судьбѣ всего живого, Боратынскій видитъ, какъ природа облачается „въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ“, изгоняя изъ своей среды все живое. Пустынны воды, лѣса, долины, восходятъ солнце,

Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло.